25 коп.
ЕН161
0-565

Карл Радек

ОПАСНОСТЬ ФАШИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ГЕРМАНИИ

ГОСИЗДАТ РСФСР
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1930

1ЖЗ

Карл Радек

ЕН 161
0-565

ОПАСНОСТЬ ФАШИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ГЕРМАНИИ

ГОСИЗДАТ РСФСР
МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1930

12 К3

ЕН 161
О-565
БИБЛИОТЕКА
ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1058934

Отпечатано
в 14-й типографии
«Мосполиграф»
Варгунихина гора, 8.
Мособлит № 18.504
Тираж 20.000. Зак. 1875

ср
29889

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта брошюра представляет собою сборник статей, появившихся в «Правде» во время выборной кампании в Германии и после нее. Никаких политических изменений в них вводить не пришлось. Она сдается в печать в момент, когда еще не решено, совершит ли Германия в ближайшее время скачок от фашистского правительства, пытающегося вызвать в рабочих массах впечатление, что оно управляет еще в рамках демократической конституции, к правительству с участием национал-социалистов, ставящих себе открыто задачу ликвидации веймарской конституции и открытого установления фашистской диктатуры монополистического капитализма. Этот переход имеет, понятно, громадное значение для пролетариата. Вопрос о нем — это вопрос о ликвидации остатков свободы движения для рабочего класса, полулегальности для коммунистической партии. Это — вопрос о ликвидации остатков завоеваний ноябрьской революции. Попытка захвата рычагов государственной власти открытыми фашистами, попытка завершения фашистского переворота вызовет несомненно ожесточенные классовые бои в Германии. Назревающие классовые бои требуют более углубленного освещения, чем

автор мог дать, считаясь с размерами газетных статей. Анализ итогов послевоенного экономического развития Германии, развития трестов и картелей, рационализации, пролетаризации мелкой буржуазии, аграрного кризиса, описание хода развития германского фашизма, перерождения германской социал-демократии, развития германской компартии, которая призвана сыграть роль руководителя германского пролетариата в борьбе против фашизации за социализацию Германии,— все это требует тщательной разработки. Разработка этих вопросов имеет не только теоретическое, но и громадное практическое значение. Я надеюсь, что мне с группой товарищей удастся в ближайшие месяцы проделать эту работу.

Москва, 1 октября 1930 г.

I. План Юнга, международный кризис и основные экономические задачи германской буржуазии

Никогда еще так быстро не оправдывались предсказания Коминтерна, как это случилось с его анализом значения плана Юнга и его последствий.

Мотивируя свою борьбу за осуществление плана Юнга, германские социал-демократы рассказывали рабочим, что этот план приведет к облегчению экономического положения Германии, а этим самым и к улучшению положения германского пролетариата. Коммунистический интернационал, наоборот, утверждал, что хотя по плану Юнга Германия должна в первые годы меньше платить, чем по дауэсовскому,— план Юнга обострит положение в Германии, заставит германскую буржуазию всей тяжестью экономического нажима и политического террора наброситься на народные массы, чтобы переложить на них издержки плана. Ход событий полностью подтвердил этот взгляд, ибо он был основан на анализе самых основных, решающих факторов международного положения Германии.

До дауэсовского договора Германия уплачивала репарационные взносы, частью распродавая за бесценок немецкие товары, немецкие средства производства, а частью путем надувания мелкобур-

жуазных слоев заграницы. Она платила репарационные платежи, **вывозя марку.** Капиталисты, скупающие падающую в цене марку, приобретали на нее **немецкие товары** и зарабатывали на этом огромные суммы. Но заграничные мелкие буржуа, соблазняясь низкой ценой марки, покупали ее в надежде, что она оправится. **Они потеряли на этом сотни миллионов.** Кейнс высчитал в свое время, что Германия уплатила Антанте именно столько, сколько вывезла за границу немецкой марки. Как известно, эта торговля маркой — а с ней связана вся система инфляции — привела к крушению марки, к экспроприации широчайших слоев мелкой буржуазии и к восстановлению затем немецкой денежной системы на основе дауэсовского договора.

На основе этого договора Германия уплатила более **9 миллиардов** по репарационным платежам. Вся эта сумма была уплачена при помощи иностранных займов. Германия заключила этих иностранных займов на сумму около 16 млрд марок. Большинство из них пошло на уплату репараций, меньшинство — на новые вложения в промышленность, на капиталистическую рационализацию. **Годичный процент** по этим займам равен теперь **1 миллиарду.**

Юнговский договор внес известную ясность в обязательства Германии. На основе этого плана она обязана платить дань не менее чем 58 лет. Поскольку юнговский договор предвидит **коммерциализацию** германских обязательств, т. е. передачу их из рук соответствующих государств через биржу в руки широких слоев покупателей государственных бумаг, германская буржуазия не может уже шутить с мыслью отказа от платежей без того, чтобы не ставить под знак вопроса свой коммерческий кредит. Поэтому-то вопрос об

уплате репараций и стал одним из самых серьезных вопросов германской экономики. Но ясно, что иностранные капиталисты не будут без конца снабжать Германию займами, ибо им выгоднее использовать германские затруднения для покупки германских ценных бумаг и облигаций, которые дают иностранному капиталу не только часть прибыли, но открывают путь ко всей прибыли. В последние годы быстро растет количество целых крупных предприятий или контрольных пакетов акций, перешедших в руки иностранного капитала. Для германских капиталистов это представляло часто единственный выход из положения, но выход,, угрожающий германской буржуазии стать в значительной мере только мастером на иностранных предприятиях, ширмой иностранного капитала.

Понятно, что эта роль не улыбается германской буржуазии. Она ставит поэтому перед собой задачу **сокращения зависимости от заграницы,** расширения покрытия своих потребностей в капитале для развития промышленности и для уплаты репарационных займов непосредственно из немецких источников.

Но к этой цели ведет только один путь, а именно путь **увеличения немецкого экспорта,** на который устремляются все усилия германской буржуазии. Эта задача решалась до этого времени достаточно успешно. В докладе Дармштадтского национального банка мы находим следующие цифры.

С 1926 г. по 1929 г. Германия **увеличила свой экспорт на 3 млрд марок.** В 1929 г. ее торговый баланс перестал быть пассивным, она добилась **почти уровня своего предвоенного вывоза.** Этот вывоз в 1924 г. был равным 6,1% мирового вывоза. В 1929 г. он равен 12% мирового вывоза. Перед войной он был равен 13½%.

Таким образом, Германия подошла к предвоенной доле своего участия в мировой торговле. Она является теперь в области торговли **второй державой** на мировом рынке и идет непосредственно вслед за САСШ.

На это указал с глубочайшей тревогой в своей речи от 16 июля в английском парламенте Болдуин, вождь английских консерваторов:

«Самое плохое то, что первый раз после войны германский экспорт превысил наш собственный. Это есть **одно из самых тревожных известий,** которые я когда-нибудь получал. Особенно, если вы примете во внимание тот факт, что бьет наш экспорт Германия, которая по размерам меньше предвоенной».

И американский и германский экспорт растет за счет того, что **с'едает английскую долю в мировом экспорте.** Этот процесс не может итти без конца. Англия принимает против этого положения отчаянные меры, в той или другой форме она пытается перейти **к протекционизму.** Но и Соединенные Штаты начали уже борьбу против германского экспорта, введя **высокий протекционистский тариф.** Это ставит германскому экспорту весьма серьезные препятствия.

Г. Оуэн Юнг, «спаситель Европы», цинично указал в своей нашумевшей калифорнийской речи на характер плана Юнга:

«Всякая из европейских держав жалуется на тяжесть своего долга по отношению к Америке, хотя мы пошли на урегулирование этих долгов в размерах очень выгодных для них. Но они оказали Германии большое доверие, решив, что она одна может нести всю тяжесть, и добавив к ней еще 50%».

В действительности юнговский договор не пред-

ставляет ничего другого, как договор, при помощи которого все антантовские державы заставляют Германию уплачивать за них долги Америке.

Но когда Германия для уплаты этих долгов пытается форсировать свой экспорт, тогда САСШ пытаются закрыть ей этот путь, крича, что Германия увеличивает свой экспорт путем понижения себестоимости производства, при помощи голодной зарплаты.

Эти упреки Америки обоснованы. **Германская рационализация происходила действительно на основе голодной зарплаты.** Но об этом великолепно знала Америка, проповедуя Германии необходимость рационализации и советуя ей бережливость в расходах. Гильберт Паркер, американский и антантовский надзиратель над немецкими финансами при господстве дауэсовского договора, при всякой оказии выступал против любого расхода Германии на социальные цели, против всякого повышения уровня жизни рабочих через коммунальные учреждения, социальное страхование и т. п. И германская буржуазия стоит перед тем фактом, что если она хочет увеличить свой вывоз, несмотря на новый американский тариф, несмотря на угрозу победы протекционизма в Англии, то самое простое — и **дальше хватать за горло своих рабочих,** навязывать им понижение зарплаты, которая, как мы это покажем дальше, и так стоит на нищенском уровне.

Но увеличение экспорта требует понижения зарплаты не только по причинам роста протекционизма за границей. Если германская буржуазия должна попытаться расширить свой экспорт, опираясь в первую очередь на собственные ресурсы, то **капиталонакопление,** которого она теперь достигла,— а оно равно предвоенному,— должно быть еще больше увеличено. Этим самым снова, с еще

большей силой встает вопрос о понижении зарплаты. Но дело идет не только о понижении зарплаты. Буржуазия покушается на уменьшение всех социальных расходов: на обеспечение безработных, инвалидов, больных, на культурные цели.

Германская буржуазия указывает с возмущением на тот факт, что выросшие после войны **социальные расходы** были ей навязаны борьбой рабочего класса, опасностью революции, что они ей не по силам. Она высчитывает, что она расходует на эти цели в год более 5 млрд марок.

И вот **эти-то 5 млрд марок ей именно и нужны.** 2 млрд нужно уплачивать по репарациям, 1 млрд — по процентам за принятые за границей займы. Так как внутреннее накопление недостаточно для расширения производства, то очень пригодятся остальные 2 млрд. Но для этой цели надо самым решительным образом покончить с «пленом германской буржуазии у пролетариата». **Мы уплачиваем 2 млрд в год Антанте за то, что она нас победила. Мы уплачиваем 5 млрд германскому пролетариату за то, чтобы он нас не победил.** Мы не можем отказаться от уплаты долгов Антанте, ибо она сильнее нас, но мы теперь сильнее, чем рабочие, и мы больше не хотим расходовать на все эти «социальные излишества» вроде обеспечения безработных, вроде лечения больных рабочих, устройства всяких бань и детских площадок, на что коммуны якобы израсходовали 2 млрд. Обойдутся и без этого! Американские рабочие не знают обеспечения ни от болезней, ни от безработицы и ничего — живут. Это даже стимулирует их энергию; всякий из них знает, что должен сам о себе заботиться.

Германская нация,— кричал г. Шахт, бывший директор Государственного банка, получающий

200 тыс. марок «пособия» в год за свою верную службу отечеству,— состоит из рентополучателей. Когда немец рождается, ему в колыбель вкладывают обеспечение на случай смерти. С этим надо покончить! Министр финансов Мольденгауэр, член совета красочного треста, профессор Кельнского университета, затребовал при своей отставке не меньше, как 30 тыс. марок в год возмещения за то, что отечество отказалось от его услуг. Но находясь на посту министра финансов, он доказывал самым красноречивым образом, что рабочие должны принести жертву отечеству, отказаться от излишней роскоши, и что это даже выйдет им на здоровье, ибо чем лучше будет накоплять капитал, тем легче он рассосет безработицу, и в конечном счете то, что будет отнято у рабочих теперь, им будет возвращено в будущем.

Борьба за переложение всех тяжестей плана Юнга на рабочий класс и мелкую буржуазию — вот содержание тех великих классовых боев в Германии, которые сейчас развертываются и которые были предрешены с момента заключения юнговского договора. Эти бои **обостряются** благодаря мировому кризису.

Г. Гильфердинг в качестве министра финансов надеялся покрыть — за счет разницы между теми платежами, которые следовали по Дауэсу, и теми, которые в виде уступки были установлены на первые годы юнговского договора,— весь накопившийся государственный дефицит. Он обещал даже приступить к понижению податей, наиболее тягостных для буржуазии, дабы она могла лучше накоплять, об'являя это необходимым в интересах пролетариата.

Когда г. Гильфердинг вылетел в трубу и место его занял Мольденгауэр, то оказалось, что герман-

ский дефицит значительно выше. Мольденгауэр высчитал дефицит в 1 400 млн и соответственно с этим потребовал обложения податями народных масс. Но г. Мольденгауэр еще не успел выполнить своей финансовой программы, как оказалось, что дефицит равен не 1 400 млн, а больше чем 2 500 млн. Г. Мольденгауэр должен был вновь соответственно повысить свою налоговую программу.

Какая причина этого бешеного роста дефицита, легко догадаться. **Мировой кризис** уменьшил доходную часть бюджета, и одновременно бешено увеличил безработицу и расходы на нее. Средства, которые находятся в руках соответствующих учреждений, оплачивающих безработных, достаточны только на поддержку 900 тыс. безработных. Их же в Германии теперь наверное не менее 3 млн.

Таким образом, **вопрос встал уже не только о переложении старых тяжестей, а о взваливании на народные массы громадных новых тяжестей.** Совершенно бессмысленно пытаться дать картину финансовых планов германской буржуазии. Она представляет собой дико растущую кучу самых различных налогов, которые чиновники министерства финансов выдумывают по мере роста дефицита. Началось с повышения налогов на пиво, кофе, чай, сельтерскую воду. Были установлены налоги на рост оборотов кооперации. За ними последовали особые налоги на частных служащих. Далее в порядке очереди намечены налоги на неженатых и незамужних. Девица, не находящая спутника жизни, должна, несмотря на свое горе, платить подати, точно так же как молодой мизантроп, отказавшийся добровольно от счастья семейной жизни. Но, кто решится во имя интересов отечества сочетаться браком и дать жизнь новым гражданам немецкой республики, тот тоже не свободен

от особого налога, налога, носящего на немецком языке более материалистическое название «поголовного», а на русском более идеалистическое — «подушного». Подушный налог **в равной сумме** должен платить миллионер и рабочий. Такой налог теперь существует еще только в колониях, и поэтому он получил название «негритянского налога».

Если вспомнить, какую борьбу вызвало в 1912 г. обложение Германии так называемым «налогом обороны» в 500 млн марок, то можно представить себе, какую неразбериху вызвала теперешняя налоговая политика. Даже такой капиталистический орган, как венская «Фрейе Прессе», не может воздержаться от того, чтобы не назвать германскую налоговую политику политикой дубины.

Так обстоит дело с социально-экономическими задачами, которые должен был решить немецкий рейхстаг и которых ему решить не удалось. Задачи, поставленные перед рейхстагом еще правительством Мюллера и придвинутые вплотную правительством Брюнинга, привели к **величайшему брожению и перетасовке среди всех буржуазных партий.** Они готовы были взвалить громаднейшие подати на пролетариат, но подрались между собой, когда оказалось, что этого недостаточно, что надо обложить и чиновников и служащих. Социал-демократы готовы были обложить и рабочих и мелкую буржуазию, но они хотели сохранить известное приличие, избежав ответственности за самые ненавистные формы налогов.

Но крупный капитал не особенно любит такого рода манеры своих лакеев. Ешь, птичка, с моей руки или домирай! Птичка не могла решиться, боясь, что от этой пищи тоже помрет, а ведь даже цыпленок хочет жить. Буржуазия решила поэтому покончить с канителью и добиться полной ясности.

II. Империалистические задачи германской буржуазии

Не только обострение **экономических** противоречий на внутреннем германском и на мировом рынке заставляет германскую буржуазию развертывать наступление на рабочий класс и стремиться к фашизации государства. Те же самые тенденции вытекают из тех новых **внешнеполитических** задач, перед которыми поставило германскую буржуазию изменение в соотношении сил среди так называемых держав-победительниц.

До этого времени германская буржуазия решала в области внешней политики по существу два связанных между собой вопроса. Она **боролась, во-первых, против попытки французского империализма выйти за пределы, поставленные ему версальским договором, во-вторых, за назначение ей причитающихся платежей в «выносимых размерах».**

В Версале Франция добивалась создания из прирейнских областей Германии буферного государства, которое находилось бы у нее в вассальном подчинении. Рейн как граница между Францией и Германией означал возможность отрыва южной Германии по линии Майна и предусматривал, что оборона Германии возможна только на р. Везере. Последствием такого решения было бы окончательное исчезновение Германии как самостоятельного политического фактора в Европе, полнейшая гегемония французского империализма на континенте. Поэтому и Англия и Америка воспротивились французским планам и заставили Францию отказаться от них, заманив Клемансо обещанием английской и американской гарантией французских завоеваний.

Когда американский сенат отклонил не только гарантийный договор, обещанный Вильсоном, но даже ратификацию версальского договора и вхождение САСШ в Лигу наций, Франция возобновила свои стремления к отторжению прирейнских провинций от Германии. Пуанкаре, а еще больше военные клики, стоящие за ним, пользовались репарационными обязательствами Германии для того, чтобы привести ее к краху, который позволил бы им остаться в прирейнских областях. Политика Пуанкаре, приведшая к занятию им Рура, поставила вопрос о прирейнских областях на острие меча. Только после банкротства рурской затеи, когда оказалось, что легче занять Рур, чем добывать там уголь, когда оказалось, что Франции в финансовом отношении не по силам оставаться в рурском угольном бассейне,— она пошла на дауэсовскую сделку, гарантирующую ей получение репарационных платежей, но поставившую крест на дальнейшем развертывании ее завоевательной политики. Очищение рейнских областей союзными войсками в 1930 г. было только результатом того факта, что **Англия и Америка не позволили французскому империализму** закрепить свою гегемонию над Европой дальше границ, начертанных версальским договором, и что Франция не была в состоянии пойти дальше, вопреки их воле.

Германия пользовалась этим противоречием интересов французского, английского и американского империализма, но ей пришлось, в конечном счете уплатить добавочную цену: признать добровольно франко-германскую границу, насильно ей навязанную версальским договором (Локарнский договор) и согласиться на очень высокие платежи по юнговскому договору, закрепощающему ее на 59 лет. **Всякая попытка представить очищение**

рейнских провинций как начало свертывания версальского договора, как начало его ревизии,— прямо смешна. Очищение рейнских провинций означает, что Франция не может к версальским цепям добавить новые. Но сами версальские цепи остаются неприкосновенными.

Платежи по юнговскому договору, которые социал-демократы представляли как облегчение, как победу «разумных» банкиров над неразумными генералами[1], равны тому пределу, который в самый разгар версальских переговоров американские банкиры, как Лямонт, английские финансовые эксперты, как Кейнс, или даже сам Черчилль, считали возможным взвалить на спину побежденной Германии.

Но и этих мизерных результатов Германия не могла бы добиться, если бы она вела только политику «выполнения», как скромно называла политику подчинения Антанте германская социал-демократия. Германия добилась даже этих, далеко не утешительных для нее результатов, только потому, что — хотя трусливо — **угрожала постоянно Антанте ориентацией на Советский Союз.** Уже в своем историческом меморандуме, при помощи которого Ллойд-Джордж, в марте 1919 г., пытался удержать Францию от требований создания прирейнского буферного государства, этот умнейший буржуазный политик предостерегал союзников **от возможности советско-германского блока.** Ллойд-Джордж видел эту опасность в форме победы спартакистского движения, которое может воспользоваться отчаянием германского народа, победы, которая механически привела бы к союзу коммунистической Гер-

[1] См. статью венской «Рабочей газеты» о Гаагской конференции.

мании с СССР. Но даже после того, как германской буржуазии удалось временно победить пролетариат и отсрочить возможность создания такого союза двух пролетарских государств, Антанта полагала, что противоречия с «державами-победительницами» могут привести к известному сближению буржуазной Германской республики и Советской республики. Германская буржуазия пользовалась боязнью Антанты такого сближения и пошла на **раппальский договор,** ликвидирующий оставшиеся неразрешенными старые вопросы и открывший путь к целому ряду актов, в которых Германия и СССР выступали заодно.

Эта политика, **давящая постоянно на Антанту,** это контрбалансирование всякой уступки Антанте шагом к сближению с СССР — являлась одной из причин, почему Франции не удалось добиться осуществления своей полной программы. И прав полностью вдумчивый буржуазный немецкий публицист Адольф Грабовский, когда он пишет[1], что **«без поддержки с Востока разлетятся полностью все наши западные надежды».**

***

Ликвидация оккупации Прирейнской области уже сама ставит перед германской буржуазией вопрос: что же дальше? Нельзя требовать от народных масс уплаты 2 млрд марок дани в год только потому, что кайзер Вильгельм проиграл войну и что Штреземану удалось освободить от французов Прирейнскую область. Нужно показать этим народным массам какую-то **дальнейшую перспективу,** хотя бы призрачную возможность об-

[1] В июльском номере издаваемого им журнала «Zeitschrift für Politik».

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

легчения положения Германии. Таким образом, самый факт **окончания одного периода германской внешней политики** ставит перед германской буржуазией новые задачи. Но, кроме того, эти задачи выдвигаются очевидным **изменением международной обстановки. Антанта перестала существовать.** Англия смотрит в первую очередь за океан. Ей пришлось в 1928 г. по первому грозному окрику Соединенных Штатов отказаться от договора, заключенного Брианом и Чемберленом, который восстанавливал Антанту на **новой базе** — признания Англией континентальной гегемонии за Францией и признание Францией морской гегемонии за Англией.

На лондонской морской конференции английский империализм не только не посмел поддержать притязания Франции на роль первостепенной морской державы, но даже сопротивлялся этим притязаниям, осуществление которых затруднило бы его положение на Средиземном море. Италия — союзник Франции в мировой войне — стала открытым ее врагом и начала подготовляться к борьбе за отнятие у Франции части ее колониальной добычи и за вытеснение ее влияния на **юго-востоке Европы.** Италия подняла открыто знамя **ревизии версальского договора** во имя своих империалистических интересов. Но для этой цели она ищет союзников, которым придется платить за поддержку итальянских притязаний поддержкой их собственных ревизионистских стремлений, направленных против Франции и против ее вассалов. **Германская дипломатия видит распад старой Антанты,** кристаллизацию новых противоречий, и она готовится играть самостоятельную роль, блокируясь с теми, которые дадут ей больше.

У германской дипломатии нет еще возможности

открыто выступить с своей программой. Во-первых, она понимает, как говорит профессор Гетч, известный консервативный специалист по внешней политике (в своей статье «Возможна ли внешняя политика Германии» в журнале «Геополитик», июль 1930 г.), что **«сегодня еще не создалась та группировка великих держав, которая бы сделала возможной и необходимой бисмаркианскую политику с ее целями и успехами».** Англо-американское противоречие является осью всех будущих мировых противоречий. Но вокруг этой оси **еще не уложились твердо все прочие противоречия,** еще неизвестно, с кем пойдут Франция и Италия. И поэтому **германская внешняя политика избегает обязательств,** которые могли бы ее связать раньше времени. Но она уже пришла в движение, нащупывает по всем направлениям почву, подготовляет «общественное мнение» во всем мире и делает, пока-что в рамках версальского договора, **усилия в направлении увеличения своей собственной вооруженной силы.**

Постройка броненосца «А» является началом использования Германией прогресса техники кораблестроения и артиллерийской техники для создания флота, действующего на дальние расстояния. В германских военных кругах вырабатывается план **реорганизации рейхсвера** на новых основах, когда всякие переговоры империалистических держав о «разоружении» окончатся решительным крахом, которого больше нельзя будет скрыть. **«Разоружение — это есть равенство вооружений»,** — пишет в цитированной уже статье профессор Гетч, называя, таким образом, по имени ту цель, к которой стремится Германия под маской требования исполнения параграфа версальского договора, обещавшего уменьшение вооружений всех

держав. Недавно выпущена полуофициальным германским издательством книга бывшего командующего рейхсвером генерала Секта **«Защита страны»,** показывающая, как себе мыслит германская буржуазия новую свою армию. Это должна быть **наемная армия в 200 тыс. чел.,** великолепно обученная, вооруженная по последнему слову военной науки, оторванная от народа и слепо подчиняющаяся приказам германской буржуазии.

***

Но какие цели ставит себе в области внешней политики германская буржуазия? Цели эти известны и состоят **в завоевании свободы вооружения, в уничтожении польского коридора, об'единении Пруссии с остальной Германией, в присоединении Верхней Силезии, в присоединении Австрии, в получении колоний.** Понятно, что эти цели не все должны быть сразу осуществлены и не все имеют одинаковое значение. **Ключом ко всему является увеличение армии и уничтожение польского коридора.** Значение польского коридора лежит не в том, что в нем живут в известном количестве немцы, хотя германская публицистика очень любит распространяться о страданиях немецкого меньшинства в Польше. Значение устранения коридора не лежит также в области облегчения связи, ибо в этой области поляки пошли на далеко идущие уступки и готовы, наверно, устранить всякую причину к жалобам в этой части. **Значение вопроса — чисто стратегическое.** В случае войны польский коридор разделяет немецкие военные силы, Германия только по морю может перебрасывать войска в Восточную Пруссию для защиты ее от польского наступления. Но, кроме того, поскольку в руках поляков находится коридор, Познань, Торн

и Грауденц,— поляки имеют в своих руках ключ к наступлению на Берлин. Имея эти области, а также и Верхнюю Силезию в своих руках, Германия может наступать в случае войны концентрически на Варшаву, беря ее в щипцы, как это сделал Гинденбург в 1915 г. **Изменение стратегического положения Германии совместно с восстановлением германской армии — вот тот рычаг, без которого германский империализм не может расправить своих крыльев.**

Много дискуссировалось по вопросу, восстановлен ли германский империализм, или нет. Базой империалистической политики является монополистический капитализм, который не только не исчез, но который увеличил свою власть в Германии. Но экономические ресурсы Германии стали слабее благодаря исходу войны, международному сужению рынков, дани, уплачиваемой Антанте. Достаточно сказать,— на что я указывал в предыдущей главе,— что капиталонакопление в теперешней Германии только достигло довоенного уровня при необычайно выросшей благодаря обостренной конкуренции потребности Германии в капиталах. Вывоз капитала за границу поэтому значительно ниже, чем перед войной. Германия не имеет никаких колоний. Но, что еще более важно, **германский монополистический капитализм имеет обломанные когти** — незначительный флот и слабую, недостаточно вооруженную армию. Наконец, он очутился в географическом положении, ставящем стратегическое развертывание в неслыханно стеснительные пределы. Спор о существовании или несуществовании германского империализма решается на основе диалектики истории. Германский империализм, разбитый в войне, не потерял базы своей: монополистический германский капитализм остался жить и

усиливаться. И он борется за восстановление орудий империализма: вывоз капитала, сильную армию и флот, за условия их стратегического развертывания, дабы в соответствующий момент принять участие в борьбе гигантов империализма за новый передел мира.

Германский империализм готовится к борьбе за условия своего существования. Это великолепно понимает французский империализм, и брианов-ское **предложение пан-европейского пакта** является, под прикрытием фраз об организации мира в Европе, **предложением союза германскому империализму на основе признания французской гегемонии.** Политически французские предложения сводятся к тому, чтобы Германия так же признала польские границы, как признала французские, взамен чего Франция позволит ей увеличить армию, даст заем немецкой промышленности, поддержит ее борьбу за мировой рынок и ее колониальные стремления. **Для Франции дело идет не больше не меньше, как о том, будет ли она иметь в случае войны, в тылу врага, которому помогут вооружиться противники Франции, или она будет иметь в тылу союзника, которого сделает в награду младшим партнером при дележе добычи.** Германский ответ на французскую ноту означает, что **Германия согласна вести переговоры, трусливо, в скрытом виде, заявляя, что эти переговоры не могут быть ограничены рамками версальских решений.**

Эти переговоры **вряд ли в данном положении приведут к каким-нибудь окончательным результатам.** Германия не может открыто поставить вопрос о ревизии польской границы, ибо она понимает, что никакое государство не согласится уступить мирным путем территорию, связывающую его с морем и дающую ему громадные стратегические

преимущества. Идея о том, что можно возместить Польше потерю коридора, отдавая ей на съедение в форме федерации **Литву** с выходом на Балтийское море через **Мемель** или... **советскую Украину** — очень остроумная идея. Но Польша в этом случае должна отказаться от того, что имеет, и получить взамен вексель, который надо еще учесть **с оружием в руках, через войну,** в которой будет поставлено на карту все существование Польши. Это понимают более умные немецкие империалисты. Поэтому в речи Курциуса и в ответной ноте Германии лейт-мотивы немецкого империализма звучат очень глухо.

Германия идет на переговоры, чтобы **прощупать, как далеко пойдет французская политика,** что Франция готова на сегодня дать, какие обязательства готова принять для будущего, как к этому отнесутся **другие державы.** В этих переговорах не так важно, что может быть достигнуто теперь, **сколько активная дипломатическая разведка,** которая скажет, что **дадут другие.**

***

Сказанного достаточно, чтобы стало понятным, что германская буржуазия поставлена перед задачей, которая требует концентрации в ее руках всей полноты **власти над государственным аппаратом и над массами,** требуя независимости от колебаний парламентского аппарата, расшатанного борьбою двух дюжин политических партий. Германская буржуазия подготовляется к боям за восстановление своего империалистического могущества. Борьба **за фашизацию всех буржуазных партий, борьба за фашизацию государственного аппарата** вытекает из этих империалистических задач так же, как и из экономических затруднений.

III. Между фашизмом и социал-фашизмом

1. Милые бранятся — только тешатся

После роспуска рейхстага германская социал-демократия выступила с громким воззванием, в котором заявила, что 14 сентября — это день решающего боя между буржуазным блоком и социал-демократией, между... **трудом и капиталом, между демократией и фашистской диктатурой.** Она призвала рабочих поддержать ее, как партию защиты интересов пролетариата, защиты демократии, защиты развивающегося социализма.

Умилительная картина! С одной стороны, господин Шольц, упитанный представитель трестированного капитала, с сигарой во рту, сопровождаемый справа представителем помещиков Шилле, в высоких сапогах и зеленой куртке, слева — представителем поповской партии — худым, длинным Брюнингом. Впереди всех троих шагает морской офицер, министр Тревиранус, держа на § 48 портрет Гинденбурга с надписью: «Да здравствует фашистская диктатура!». И против этого буржуазно-фашистского змея, собирающегося задушить рабочий класс, несется на лошади восьмипудовый богатырь, социал-демократ Вельс: в одной руке копье, в другой — красное знамя с надписью: «За демократию и социализм». Чудесный предвыборный плакат! Но, к сожалению, эта картина чересчур красива, чтобы она отвечала действительности.

И старый прелат Каас, вождь центра, не преминул попросить господина Вельса слезть с лошади. Ведь социал-демократия,— напомнил он ехидно,— многократно сама проводила свою политику при помощи 48 параграфа, т.-е. ограничения

прав парламента в пользу диктаторских прав президента. Ведь социал-демократия цепляется обеими руками в Пруссии за коалицию с тем же самым католическим центром, который в общеимперском масштабе она пытается представить как исчадие ада. Наконец,— спрашивал дальше г-н Каас,— как же это вы хотите спасать демократию совместно с коммунистами, которые стоят за диктатуру пролетариата, совместно с Гугенбергом и Гитлером, которые стоят за фашистскую диктатуру? Ведь вы совместно с ними голосовали против правительства Брюнинга! Если вы будете и дальше вести эту игру, то католический центр выбросит вас из прусского правительства.

Что же ответила на это социал-демократия? В ответ на это Рудольф Брейтшейд — в прошлом подающий надежды молодой человек торгового капитала, а теперь социал-демократический профессионал по части краснобайства и дипломатии — выступил в «Форвертсе» от 30 июля со статьей, содержащей ценнейшие признания в отношении прошлого и ценнейшие обещания в отношении будущего. «Всякий беспристрастный человек должен признать, что социал-демократия дошла до пределов возможного, чтобы только избегнуть политики, выходящей из парламентских рамок. **Мы предлагали наше сотрудничество в проведении финансовой реформы, но нас оттолкнули и не вели с нами никаких серьезных переговоров; их не хотели, их не могли вести, ибо смысл правительства Брюнинга состоял в том, чтобы толкнуть социал-демократию в безнадежную оппозицию».**

Брейтштейд признает, что социал-демократия готова была сотрудничать с правительством Брюнинга, что она готова была ему помочь, но что с ней не хотели разговаривать, что ее прогнали. Но

ведь правительство Брюнинга, как говорит предвыборное воззвание социал-демократии, есть правительство трестов и картелей, правительство, взваливающее все тяготы на рабочий класс, правительство фашизма! И после такого признания г. Брейтшейд заявляет храбро, что социал-демократы не боятся разрыва с центром и в Пруссии, что они не позволят партии центра диктовать себе условия, как вести выборную кампанию. Но немедленно после этого героического жеста он продолжает: **«Борьбу с центром, которая нам навязана, мы хотим вести деловым образом, но это наше намерение не становится легче, если нам угрожают».**

Социал-фашисты, прокламировав, что выборная борьба есть борьба труда и капитала, демократии и фашизма, социализма и капитализма, обещает вести эту борьбу «деловым образом», не обижая той партии, которая принимала участие во всех 19 правительствах, существовавших в Германии после выборов в национальное собрание, которая, таким образом, являлась **политически-стержневой** партией германской буржуазии. Г. Брейтшейд знает, почему приходится так деликатно и тактично отвечать, ибо, кроме ехидства и угроз по адресу социал-демократии, он нашел в речи прелата Кааса, вождя центра, еще одно коротенькое место, говорящее, что в недалеком будущем, после перегруппировки политических партий, удастся, быть может, **«сохранить мост между буржуазией и верными республике рабочими».** Старый иезуит этим самым сказал социал-демократам: **мы вас выбросим из правительства, но не впадайте в отчаяние и не бейте стекол: авось, еще столкуемся.**

Уже этого достаточно, чтобы понять, насколько **не отвечает действительности утверждение социал-**

демократии, что борьба происходит в первую очередь между нею и буржуазными партиями и что предметом этой борьбы является сохранение демократии. Но положение усложняется еще больше, если учесть, что наиболее **открыто фашистские группы — группы Гугенберга и Гитлера — помогли провалить правительство Брюнинга,** если присмотреться к тем перегруппировкам, которые происходят в лагере буржуазии, вызывая в данный момент впечатление полного хаоса. Для того чтобы понять, что происходит в данный момент в буржуазном лагере Германии, надо хотя бы коротко ответить на ряд **основных вопросов,** и впервую голову **о существе фашизма и о разнице между фашизмом и социал-фашизмом.**

2. Существо фашизма

Мы не можем, разумеется, здесь осветить весь вопрос о фашизме и социал-фашизме. Но этого и не нужно: для нашей цели достаточно вспомнить, как поставлен на X пленуме Коминтерна основной вопрос о характере фашизма и его разновидностях и применить эту вполне правильную постановку к происходящим в Германии событиям.

Если просмотреть марксистскую **предвоенную** литературу,— теоретическую, как и пропагандистскую,— посвященную характеристике империализма[1], то мы находим в ней следующую характеристику **политики империализма:** она увеличивает

[1] Достаточно взять для примера последние три главы «Финансового капитала» Гильфердинга или последнюю главу моей брошюры «Германский империализм», изданной в 1913 г. и перепечатанной в книге «Германская революция», т. I, стр. 125—135.

расходы на вооружение, уменьшает расходы на социальные реформы, ограничивает право и значение парламента, увеличивает непосредственное влияние **трестов и картелей** на государственную политику. Она означает **закат буржуазной демократии, опасность мировых войн и начало революционной борьбы пролетариата за власть.** Как остро эти черты политики монополистического капитала бросались в глаза, наилучшим образом иллюстрирует роман Джека Лондона «Железная пята», который написан тоже перед войной и в котором художник, пытаясь своей творческой фантазией представить себе тенденцию господства финансового капитала, дал картину, предвосхищающую весь разгул фашизма, обрушившегося после войны на рабочий класс. То, что видел Джек Лондон ежедневно в практике **американского монополистического капитала еще перед войной, позволило** ему создать картину, которую мы теперь не можем читать без изумления.

Уже перед войной революционный марксизм давал себе отчет в том, что политика монополистического капитализма ведет не только к войнам, но что она развивает тенденции, ведущие к замене демократии открытой диктатурой банков и картелей, взваливанием всех тягот на пролетариат, отобранием тех демократических свобод, которые он завоевал себе в продолжение десятилетий. Недоставало только общего понятия «фашизм». Но все фашистские тенденции находились в начальной форме в политике монополистического капитализма уже перед войной. Тальгеймер, теоретик брандлерьянцев, отождествляя в основном фашизм с бонапартизмом, видит в фашизме только политику защиты капитализма перед пролетарской революцией, но не видит, что эта защита ведется **моно-**

полистическим капитализмом при помощи развития и усиления свойственных ему основных тенденций. Но не менее ошибочно считать фашизм политикой **просто монополистического капитала, а не монополистического капитала в период мировой революции.** Обе точки зрения упускают из виду **развитие** монополистического капитала.

Война усилила эти тенденции, ибо увеличила значение трестов и картелей как поставщиков военного снаряжения и концентрировала власть в руках военщины, уничтожила буржуазные демократические свободы. Но империалистическая война в своем процессе разбудила революционные тенденции в пролетариате, и капитализм вышел глубоко потрясенным из войны. В России победила пролетарская революция, став центром притяжения для всех революционных движений в мире. Поэтому буржуазия была принуждена после войны для сохранения власти пойти во всей Европе временно не только на восстановление буржуазной демократии, но и на известное расширение демократических прав, как и на материальные уступки рабочему классу. Достаточно указать на исчезновение монархии Гогенцоллернов и Габсбургов, на предоставление в тех странах, где этого не было перед войной, рабочему классу, а отчасти и женщинам, избирательных прав, на введение почти во всех странах Европы 8-часового рабочего дня и известное повышение — в 1919 и 1920 годах — заработной платы и т. д. и т. д.

Буржуазия спасалась уступками, следуя **совету Ллойд-Джорджа,** который в упомянутом уже мною меморандуме с марта 1919 г. указывал, что если капиталисты хотят разбить революционную волну, идущую из России, то они должны удовлетворить минимальные потребности широких рабочих масс,

которые после военных потрясений не хотят жить по-старому. Не подлежит ни малейшему сомнению, что буржуазия тогда в общеевропейском масштабе проделала очень сознательно **большое стратегическое отступление,** чтобы спасти свое господство. О сознательности этого отступления свидетельствует факт господства в ее политической литературе первых послевоенных лет таких имен, как Кейнс, Кайо, Питти, Ратенау, выражающих эту **тенденцию — откупиться от пролетариата уступками.** Одновременно с этими маневрами она громила молодое коммунистическое движение и национально-революционное движение в колониях.

Но само собой понятно, что после того, как удалось этими маневрами обмануть значительную часть рабочего класса предстоящей мирной реформой капитализма и разгромить при помощи социал-демократии революционное пролетарское меньшинство, после того, как волна революции временно спала, буржуазия начинает восстанавливать прежнее положение. **Тресты, картели и банки** не только не ослаблены, но, наоборот, **увеличив во всех странах свое экономическое влияние** за счет разоренной мелкой буржуазии, за счет средней промышленности, за счет пролетариата, возобновляют во всех странах свои тенденции **переложения всех тяжестей восстановления потрясенного капитализма на спину рабочего класса,** тенденции **ограничений расходов на социальные реформы,** уменьшения роли буржуазного **парламента** и т. д. Во всех странах начинается **наступление на пролетариат.** Восстановление и усиление этих свойственных монополистическому капитализму тенденций **не может происходить одинаково во всех странах ни в отношении темпа, ни в отношении форм.**

В одной из наиболее потрясенных войной стран,

в Италии, где пролетариат в 1920 г. протянул руку прямо к сердцевине капитализма — фабрикам, наступление капитала приняло самую решительную форму. Буржуазия отняла у пролетариата все демократические свободы, через ряд этапов уничтожила демократию, заменив ее так называемым **корпоративным государством,** которое, по существу, является только вывеской для господства картелей и трестов, диктующих свою волю **фашистской партии,** занявшей место единственной легальной и господствующей партии. **Содержание политики итальянского фашизма — это попытка открытого закрепления господства капитализма. А так как и в Италии господствующим является уже монополистический капитализм, то понятно, что фашистская политика не может ничего другого выдумать, чем то, чего добивается финансовый капитал во всех странах.** Она проводит требования финансового капитала при помощи самых решительных насильственных мер.

То, что затрудняло многим усвоение этой сущности фашистской политики,— это **новизна форм,** в которых победил фашизм. Он победил **на волне широкого мелкобуржуазного движения,** в котором принимала участие и часть отсталых слоев рабочих, и ему пришлось притти к власти через **разложение и уничтожение всех старых буржуазных партий.** Благодаря этому фашизм казался результатом ряда политических особенностей Италии.

Но и факт опоры фашизма на широкое мелкобуржуазное движение, пропитанное иллюзиями, что оно ликвидирует господство капитализма, и факт уничтожения (либералы) или подчинения старых буржуазных партий (популяры и республиканцы),— все это представляет собой **одну из отличительных черт фашизма вообще от других**

контрреволюционных течений. Именно потому, что итальянский фашизм развился в стране **со сравнительно развитой промышленностью** — хотя страна еще является аграрной — с богатой политической жизнью в прошлом, в стране, довольно старого социалистического движения,— он не мог победить как контрреволюция без того, чтобы найти опору в значительных массах населения.

Чем более индустриально развита страна, чем сильнее в ней рабочий класс и его революционные организации, тем менее возможно в ней господство контрреволюции, опирающейся только на штык и на денежный мешок. Монополистический капитализм концентрирует **сотни тысяч рабочих,** которые представляют большой мощи политический кулак. Противоречия монополистического капитализма активизируют политически рабочие массы, будоража их усилением эксплоатации, ростом податей, постоянной опасностью войны. Наконец, война, бросив миллионы в окопы, подняла уровень их заинтересованности в политике. Они приблизились к социализму. **Фашизм может побеждать в развитых странах, только опираясь на широкое мелкобуржуазное движение, на разочарование мелкобуржуазных масс в социализме, к которому не ведет и не может вести социал-демократия, на убеждение мелкобуржуазных слоев, что фашистская политика несет стране возрождение от «капиталистического разврата», новую жизнь, которой не дала и не может дать социал-демократия.** Понятно, что заправилам фашизма, связанным с акулами финансового капитала, знающим, где раки зимуют, полностью ясно, что все фразы об освобождении народных масс и т. д. и т. д. есть лишь приманка для мелкой буржуазии. Понятно, что мелкобуржуазные массы и отдельные рабочие слои, идущие

за фашизмом, не смогут сыграть никакой самостоятельной роли, не смогут совершить под руководством фашизма «мелкобуржуазной революции», что они окажутся полностью на поводу у **интересов монополистического капитала,** который навяжет им свою политику.

Но почему фашизм победил в первую очередь в Италии, а не в Англии, Франции и Германии, где монополистический капитализм сильнее? Точно так же, как пролетарская революция победила сначала не в странах, где и пролетариат численно наиболее силен, а в России, где были налицо **особо благоприятные условия** (острота **аграрного вопроса,** слабость политической и экономической организации капитализма при большой концентрированности пролетариата, его революционной закалке и т. д.),— так и наступление монополистического капитализма было доведено до конца и нашло классическое выражение в Италии благодаря ряду особенностей ее положения. Пролетарская революция стучалась там уже в ворота. Пролетариат захватил фабрики. Но он был политически чересчур слаб, чтобы их удержать, и он дал себя обмануть собственным вождям, центристам. Это показало буржуазии, что можно с ним справиться. Но как? При помощи социалистической партии? Но в ней реформисты имели решающее влияние, только поскольку дело шло о дезорганизации революционной деятельности партии, об увеличении колебаний центристов, руководивших тогда партией. Навязать социалистической партии политику открытой сделки с буржуазией реформисты в Италии не могли из-за своей слабости. Надо было подчинить пролетариат **насилием.** Это можно было попытаться сделать с шансами на успех, ибо пролетариат в Италии был недостаточно многочислен, не сумел связаться с

крестьянством, несмотря на сильное брожение в его рядах, и не имел революционного прошлого и революционной партии.

Вот эта совокупность условий об'ясняет, **почему фашизм победил сначала именно в Италии,** хотя она — страна не самого развитого монополистического капитализма. Этим об'ясняется и то, **почему за итальянским примером не последовали ни Германия, ни Англия,** а пошли по ее стопам такие страны, как Венгрия, Польша, где совершился фашистский переворот. Каковы черты, сближающие эти страны с Италией? Пролетариат достаточно силен, чтобы создать угрозу буржуазии, но не связан с большинством населения, с крестьянством, и поэтому фашисты могут надеяться удержать его под железной пятой политикой насилия, опираясь при этом на довольно широкие слои мелкой буржуазии, как это делают и Хорти и Пилсудский.

По итальянскому пути полностью не пошли пока что ни Англия, ни Франция, ни Германия. Старые богатства позволяют им, несмотря на мировой экономический кризис, подкупать значительную часть **рабочей аристократии и бюрократии.** Буржуазия, таким образом, сохраняет возможность господствовать, не устраняя демократической вывески и избегая открытого столкновения **с пролетариатом, который, представляя в Англии и Германии большинство населения, является громадной революционной силой.** Наличие крупных «рабочих партий», не ставящих себе ни на минуту задачи ниспровержения капитализма, а, наоборот, восстановление и укрепление его, очень облегчало буржуазии этих стран до этого времени отказаться от установления открытой фашистской диктатуры.

Все это важно для понимания тех проблем, перед которыми мы поставлены в Германии. Буржуазия

могла попытаться проводить свою по существу фашистскую политику при помощи партии рабочей аристократии. Мы это увидим дальше на примере Германии подробнее. Здесь мы приведем только один классический факт: Томас — один из вождей английской рабочей партии, сообщающий с восторгом в Манчестере фабрикантам радостную новость, что ему удалось договориться с Сити, т.-е. финансовым капиталом, чтобы крупные банки взяли на себя финансирование рационализации! «Рабочее» правительство, хвастающееся тем, что помогло финансовому капиталу подчинить себе текстильную промышленность!

Но если между такими странами, как Италия, в которых уже победил **открытый фашизм,** и странами, как Англия и Германия, где применяется в меньшей или большей степени **социал-фашистская** политика, т.-е. **интересы монополистического капитализма проводятся руками «рабочих партий», без формального уничтожения демократии,** налицо большая разница, которую надо учесть для понимания проблемы фашизма, то не менее важно рассмотреть разницу в положении Англии и Германии в отношении степени фашизации социал-демократического движения. Это позволит нам уяснить себе конкретнее **существо германского социал-фашизма.**

3. Сущность социал-фашизма

И в Англии и в Германии налицо пролетарское большинство населения, профессионально и политически организованное. И в той и в другой стране буржуазия не может не понимать **трудностей установления открытой фашистской диктатуры над этим пролетарским большинством.** И в Англии

и в Германии налицо партии, носящие название рабочих, написавшие на своем знамени «социализм», но на деле делающие все для укрепления капитализма. Но Англия имеет большие накопленные ресурсы, и поэтому, несмотря на язву безработицы, несмотря на хронический экономический упадок, английская буржуазия имеет больше возможностей маневрировать, чем германская. Она имеет в колониях не только источник величайшей опасности, но и источник силы. Ее флот есть не только оружие для подавления колоний и для войны с другими империалистическими державами, но и мощное оружие подавления собственного пролетариата.

Германия экономически более ослаблена, чем Англия, несмотря на то, что ей удалось восстановить свою промышленность и рационализировать ее, в чем Англия еще очень отстает. Над ней висит постоянно необходимость уплаты репарационной дани, которая обостряет неслыханно все противоречия. **Немецкий пролетариат имеет опыт революционных боев.** Благодаря этому германский пролетариат создал самую крупную коммунистическую партию на Западе, на которую приходится оглядываться и буржуазии и социал-демократам на каждом шагу.

В прошлом в Германии оружием против революционного пролетариата была полумиллионная армия, поставленная по последнему слову военной техники, и юнкерский бюрократический аппарат, державший народные массы в повиновении. Господство помещиков и капиталистов возглавлялось монархией, имевшей глубокие корни в крестьянстве и в городской мелкой буржуазии. Теперь полумиллионной армии нет, ее заменили рейхсвер, насчитывающий 100 000 человек, и полиция. Они недостаточны для подавления рабочего движения, если

бы оно поднялось одновременно во всех центрах Германии. Старый юнкерский аппарат расшатан. Помещики отброшены революцией от власти, стоят в стороне от государственного аппарата, кайзерская династия разбита и дискредитирована в глазах широких мелкобуржуазных масс. Пролетариат держал уже на момент руку на горле буржуазии, видел ее страх и бессилие.

Этим об'ясняется то, почему **германская буржуазия должна проводить фашистские тенденции более круто, чем английская.** Она не имеет ресурсов для подкрепления верхушки рабочего класса. Она, лишившись колоний, дерет с пролетариата семь шкур. Вопрос, как быть — **решиться ли на путь открытой диктатуры, или нет — был спорным вопросом среди германских буржуа с первого момента,** когда они опомнились после страха, охватившего их под влиянием победы ноябрьской революции.

Две тенденции борются среди германской буржуазии по этому вопросу. Юнкера и значительная часть тяжелой промышленности — за политику открытой диктатуры. С ними идут деклассированная интеллигенция, офицерщина, которая надеется нагреть при этом руки, отчаявшиеся слои мелкой буржуазии. Против открытой диктатуры за проведение фашистской политики «демократическим» путем, с привлечением социал-демократии — средняя промышленность, перерабатывающая, торговая буржуазия, одним словом, те элементы буржуазии, которые, и так страдая от господства тяжелой промышленности и банков, боятся усиления их власти, боятся отдать им полностью и бесконтрольно в руки государственный аппарат. Кроме того, соприкасаясь ближе с мелкобуржуазными и рабочими массами, они чувствуют, что установление открытой фашистской диктатуры может привести **к затяжной граж-**

данской войне, которая нанесет им тяжелые раны. Они помнят великолепно, что если в борьбу за власть советов вступило только меньшинство пролетариата, то против путча Каппа, угрожавшего восстановлением монархии и белой диктатуры, рабочая масса поднялась как один человек и буквально стерла в порошок капповские войска и отряды.

Но и тяжелая промышленность,— которая отчасти поддерживает прямо немецко-национальную партию, возглавленную фашистом Гугенбергом и выдвинувшую фашистско-монархическую программу, а отчасти стоит за народную партию, поддерживая в ней правое крыло,— не могла до этого времени окончательно решиться на прокламирование открытого фашистского переворота. Кроме того, часть главарей тяжелой промышленности опасается революционного взрыва рабочего класса.

Фашистская диктатура в Германии может быть только диктатурой **об'единенного блока трестированного капитала и крупных помещиков.** Но крупные помещики, в начале революции отброшенные от власти как главные представители старого режима, по сегодняшний день еще не нашли ясного отношения к буржуазной республике, занявшей место монархии, с которой они наиболее из всех классов Германии были исторически связаны. Этот процесс приспособления помещичьего класса к новым условиям, его отход от монархической романтики требовал времени. Короли железа и угля — не республиканцы по принципу, но они не могли пойти навстречу монархистским требованиям помещиков, боясь отпора и германских народных масс и отпора Антанты, для которой Гогенцоллерны связаны с идеей военного реванша. Помещики долгое время представляли традиции старой немецкой

националистической политики, традиции мощи германского империализма, и поэтому трудно было бы опираться на них в деле лавирования перед Антантой. А это не допускало создания твердого блока, без которого невозможна фашистская диктатура в Германии...

В этом положении германской буржуазии не осталось ничего другого, как проводить политику фашизации через парламент с внешним сохранением демократии при помощи социал-демократии. Само собой понятно, что буржуазия не руководилась здесь шаблоном: или фашистская диктатура, или господство совместно с социал-демократией. Буржуазия не считала, что раз она не решается на фашистский переворот, то обязана раз навсегда жениться на социал-демократии и совместно с нею управлять государством. Германская буржуазная республика существует 12 лет. Она за это время имела 21 правительство. Только в 11 из них принимали участие социал-демократы, находясь у власти в совокупности около 6 лет.

Для выяснения вопроса очень интересно присмотреться, **когда и почему социал-демократы выбрасывались из правительства, когда и почему они снова втягивались в правительство.**

***

После ноябрьской революции 1918 г. социал-демократы держали власть до выборов национального собрания в феврале 1919 г. Получив при выборах в национальное собрание 11 миллионов голосов, они возглавляют первое правительство так называемой веймарской коалиции, правительство, в которое входят, кроме социал-демократов, католический центр и демократы. В марте 1920 г. это правительство, вырастившее под своим крылышком

контрреволюцию, бежит из Берлина перед капповским путчем. Рабочие поднимаются во всей стране, разбивают на-голову контрреволюцию и переходят в атаку, борясь во всем Рурском бассейне за власть советов. Социал-демократическое правительство Мюллера, только что спасенное от капповцев пролетариатом, подавляет жестоко при помощи тех же капповцев восстание пролетариата в Руре и в Средней Германии. Оно расплачивается за эту политику потерей половины голосов. Буржуазия учитывает и победу социал-демократии над революцией и уход значительных масс рабочих от социал-демократии и создает правительство под руководством католического центра без социал-демократов. Точно так же социал-демократия вылетает из правительства в декабре 1923 г., когда она помогла буржуазии расправиться с угрозой восстания в Саксонии и с восстанием в Гамбурге. И снова она теряет на выборах в мае 1924 г. значительное количество голосов.

Можно таким образом установить, что буржуазия отказывается от сотрудничества в правительстве с социал-демократией, когда последняя выполнила свою предательскую роль в подавлении пролетарской революции. Мавр сделал свое дело — мавр может уйти не только потому, что дело сделано, опасность в данный момент не угрожает, но и потому, что он загрязнился при этой работе, потерял популярность. Один из вождей социал-демократов, г. Гейльман, выразил этот «закон движения» социал-демократического правительства в следующих жалобных словах:

«Разве это всегда должно повторяться, что социал-демократия только тогда принимает участие в имперском правительстве, **когда времена очень плохие, когда господствует голод и бушуют в стра-**

не восстания, когда французы захватывают Рур?» [1] Но буржуазия выгоняет социал-демократическое правительство еще и в другом случае,— когда **она идет на решительное изменение своей политики, когда она идет в наступление,** которое должно сдвинуть с места какой-либо крупный вопрос. Так было в 1922 г., когда правительство Куно решилось под влиянием Англии спровоцировать Францию на захват Рура, надеясь, что Пуанкаре сломит себе на этом шею, после чего можно будет добиться с помощью Англии облегчения в репарационном вопросе. Так было, когда германская буржуазия в 1924 г. поставила вопрос о рационализации, и так было весной 1930 г., когда германская буржуазия решилась покончить с расходами на социальные нужды и взвалить всю тяжесть юнговского договора и кризиса на рабочий класс. Это означает, что буржуазия в переломные моменты **боится колебаний** своих социал-демократических слуг, дрожащих перед окриком капиталистического хозяина, но боящихся окончательно скомпрометировать себя перед пролетариатом, после чего она потеряла бы свою ценность как лакей капитализма.

А в каких случаях призывает буржуазия социал-демократов обратно к власти? Она призывает их тогда, когда дело **обстоит плохо.** Она призвала их к власти (хотя тогда ничего не изменилось в соотношении парламентских сил) в августе 1923 г., когда революция стучалась снова в ворота Германии, когда политика Куно обанкротилась, марка полетела в пропасть. Господин Штреземан принужден был тогда сказать, что это правительство коалиции с социал-демократией является, быть может, последним буржуазным правительством. Наконец

---

[1] «Freies Wort» от 6 апреля 1930 г.

социал-демократов призывают к власти, когда чисто буржуазный блок настолько скомпрометирован, что мелкобуржуазная масса поворачивает к социал-демократии и дает ей выборную победу. Так было после майских выборов 1928 г. Мы видим, что политика буржуазии отличается большой эластичностью в зависимости от положения. Ее отношение к социал-демократии есть отношение притягивания и отталкивания.

Но на какой почве происходят эти передвижки? Ответ на этот вопрос мы получим, если вспомним, **что делала** социал-демократия, принимая участие в правительстве или находясь в оппозиции. **Три раза ей приходилось спасать буржуазию от пролетариата:** в 1918 г., в 1920 г. и 1923 г. «После краха в 1918 г. она имела в своих руках государственную власть. Однако она имела достаточно здравого смысла и достаточно чувства ответственности перед своими капиталистическими хозяевами, чтобы помочь им сохранить господство. За это спасение капиталистического мира **она не получила достаточной благодарности»,**— так пишет известный демократический экономист и публицист проф. М. Бонн[1]. Но хотя она не получила достаточных доказательств благодарности, она создала **рейхсвер,** вооруженную организацию, стоящую с того времени на-страже германской буржуазной республики, она создала для той же цели современную германскую **полицию,** во главе которой стоят беспрерывно социал-демократы, взявшие на себя роль палача рабочего класса, погромщиков коммунистического движения, она помогла положить начало новому **флоту,** голосуя за броненосец «А». Она была главным застрельщиком политики подчинения Антанте,

[1] «Neue Freie Presse» от 15 июня.

беря на себя перед мелкобуржуазными массами для спасения германского капитализма всю тяжесть ответственности за подписание версальского договора. В то время когда буржуазия шла на косвенное сближение с СССР (чтобы иметь в руках козырь против Антанты), социал-демократы являлись главным каналом, по которому вливается в народные массы **ложь о СССР,** чем она подготовляет возможность поворота буржуазии против Советской страны, когда это понадобится в интересах трестов и банков. Она помогла **провести капиталистическую рационализацию,** уговаривая народные массы, что на основе жертв, приносимых в пользу рационализации, будут сделаны шаги к введению «хозяйственной демократии». Она помогла провести все так называемые **налоговые реформы,** которые состояли в переложении на спину пролетариата растущих с каждым годом тягот содержания государственного аппарата. Она, наконец, помогла отбить все попытки рабочего класса добиться увеличения заработной платы, введя систему **обязательного арбитража,** когда он был наиболее выгоден буржуазии. Стоя уже одной ногой вне правительства, она помогла заковать пролетариат в цепи закона о «защите республики», направленного против революционного пролетариата. Можно спросить германскую буржуазию словами песни: «Милая, чего тебе еще нужно?»

Социал-демократы проводили **все основные требования финансового капитала, все требования, направленные к усилению непосредственной власти капиталистических организаций, к подавлению революционного движения, к сваливанию на плечи рабочего класса всех расходов по укреплению капитализма, расшатанного войной.** Они вели эту политику, принимая с 1923 г. участие в правительстве

совместно с **народной партией,** главной партией монополистического капитализма. Но далее, когда эта партия в правительстве участия не принимала, против нее фрондировал монополистический капитал, оказывая самое непосредственное влияние на политику правительства, диктуя ему свою волю через свои хозяйственные организации, прессу и производя давление через массовые фашистские организации. Политика, которую вела 12 лет социал-демократия, с каждым годом все больше и больше становилась **фашистской.** Так же, как **невозможна в эпоху империализма политика «защиты отечества» без поддержки империализма, так невозможна в эпоху мировой революции политика укрепления капитализма без поддержки фашизма.**

Но фашизм есть устранение демократии,— говорит ученый педант брандлеровцев Тальгеймер,— а социал-демократия всеми силами пытается сохранить почву демократии, предлагая контрреволюцию, но демократическую... Разрывая полностью с марксизмом, требующим учета реальных классовых отношений, Тальгеймер упускает из виду такую маленькую мелочь, как **разгон г. Эбертом рабочего правительства в Саксонии,** имевшего за собой демократическое большинство в стране и в парламенте, и передачу для этой цели власти генералу Секту. Тальгеймер обходит трусливо такую «мелочь», что парламентская демократия не висит в воздухе, что социал-демократия даже тогда, когда она в парламенте поступает согласно всем предписаниям демократического церемониала, создает себе для этого «соответственные» условия, распуская, например, организацию красных фронтовиков, в то же время разрешая действовать организациям фашистов, устраивающих публично военные маневры. Тальгеймер забывает, что социал-демократия, оставаясь

на почве парламентской демократии, посадила в тюрьму за 7 лет существования закона об охране республики **в семь раз больше рабочих,** чем их посадил в тюрьму Бисмарк за 13 лет существования закона против социалистов. Здание рейхстага заслоняет правому ренегату всю картину немецкой действительности. Но утверждение, что политика социал-демократии не является фашистской потому, что она до этого времени проводилась в рамках демократии, хотя — увы и ах! — очень продырявленной, уже потому нелепо, что нигде не сказано, что фашизм требует формального разгона парламента и что он требует этого разгона в кратчайший срок и без всякого переходного периода. И итальянский фашизм не сразу разогнал парламент. **Политика социал-демократии стала фашистской политикой потому, что она в основном помогала укреплять капитализм, что в период господства монополистического капитализма возможно только на основе его тенденций, в согласии с ним и его методами. Совокупность же политических тенденций монополистического капитализма в период послевоенного потрясения капитализма, в период мировой революции есть именно фашизм.**

Но почему тогда «социал-фашизм»? В чем разница между фашизмом и социал-фашизмом? На это ответил коротко тот же проф. Бонн, которого мы уже цитировали: «С момента, когда миновала опасность, от которой социал-демократия спасла капитализм, отказавшись на практике от классовой борьбы и ведя ее только против большевиков, часть предпринимателей все время еще упрекает социал-демократов в марксизме, от которого они давно отказались».

Почему они это делают? — спрашивает Бонн. «Эти группы, которые легче всего найти в **тяжелой**

промышленности, пытаются классовую борьбу пролетариата заменить классовой борьбой буржуазии... Этим они задерживают **буржуазное перерождение социал-демократических масс. Понятно, это перерождение стоило бы капиталистам известных расходов. Мелкий буржуа требует обеспеченного положения, и если капиталисты не в состоянии избегнуть кризисов, то они должны распределить последствия кризисов так, чтобы не подорвать чувства обеспеченности у масс... Это стоит денег. Это есть откуп капитализма.** Против этого имело бы смысл выдвинуть идею более дешевой политики, если бы капитализм имел силу весь рабочий класс и служащих современных стран стеснить до такого жизненного минимума, которым они довольствовались во время начала индустриализации. Но это вздор».

Слово **«откуп», который буржуазия якобы уплачивала рабочему классу,**— это чересчур громко сказано, но оно подводит нас к существу вопроса.

Социал-демократия оказывала финансовому капиталу помощь, помогала ему проводить его политику. Поэтому — **она партия фашистская.** Но, опираясь на значительные рабочие слои, она добивалась известной **скидки,** добивалась того, чтобы фашистская политика велась в рассрочку, чтобы она проводилась по этапам, чтобы эта политика считалась с необходимостью в известный момент подкупать часть рабочих, прикрывать наступление на весь класс уступочками части его, чтобы буржуазия платила кое-что за помощь в проведении фашистской политики. Даже итальянские фашистские профсоюзы, действуя в среде пролетариата, принуждены от времени до времени добиваться известных уступок от фашистского правительства. Так как рабочий класс Германии все больше революци-

онизируется, то социал-демократам приходится при проведении фашистской политики маневрировать, что требует от капитала издержек. Тяжелая промышленность всегда была против этих издержек, но ей приходилось соглашаться с их необходимостью. И социал-демократия оставалась в правительстве. Но даже тогда, когда она уходила из правительства, для того чтобы поправить свою подмоченную репутацию «оппозицией», или когда ее выставляли, она **никогда не забывала, что она — часть политического аппарата, проводящего политику спасения капитализма.** Она и в «оппозиции» боролась «деловым образом», как это обещает господин Брейдшейд делать и впредь, не теряя еще надежды, что социал-демократии удастся вернуться в правительство. **Употребляя термин «социал-фашизм», мы этим подчеркиваем, что социал-демократия стала в основе фашистской партией, но что у нее есть известные специфические черты, связанные с ее происхождением и с той средой, в которой она действует.**

Но почему тогда не говорить о **либерал-фашизме, радикал-фашизме** и т. д.,— спрашивает иронически Троцкий, доказывая этим только, что он хочет обелить социал-демократию, восстановить мост к ней. Понятно, что все буржуазные партии в капиталистических странах, находящихся под угрозой пролетарской революции, с каждым днем больше теряют различия между собой, становясь на почву фашистской политики. Поэтому, разумеется, совершенно не смешно говорить французским буржуа, называющимся **радикал-социалистами:** «вы, господа, являетесь **радикал-фашистами»** или **немецким либералам** говорить, что они **либерал-фашисты. Наоборот, приучать пролетариат видеть за внешней личиной партии об'единяющие их фашистские черты — обяза-**

тельно для коммуниста. Так же, как мы говорили во время войны о **социал-империализме,** чтобы указать рабочим на **империалистическую** сущность социал-демократической политики «защиты отечества» в империалистической войне, так же мы обязаны указывать на **фашистскую сущность теперешней политики социал-демократии, называя ее социал-фашистской политикой.** Троцкий и Тальгеймер «забывают» об этом потому, что в своей борьбе с Коминтерном они идут на буксире у социал-демократии, стоят по другую сторону революционной баррикады.

***

Социал-демократия прокламировала в качестве задачи пролетариата **восстановление капитализма.** Но пытаться укреплять капитализм и тем более содействовать его развитию в теперешнюю эпоху загнивания, умирания капитализма, в эпоху мировой пролетарской революции — можно **только фашистскими средствами, при помощи фашистской политики.**

Разумеется, фашистская политика, охватывающая теперь интересы всех капиталистических слоев, **не устраняет противоречий между этими слоями, трений, борьбы оттенков.** Это имеет место даже в Италии, где власть держит в руках одна фашистская партия, регулируя и согласуя противоречивые интересы помещиков, фабрикантов тяжелой и легкой промышленности, мелких буржуа и части рабочих. Тем больше такие трения и даже борьба, существующая между разными слоями и партиями, проводящими фашистскую политику в Германии, где нет еще открытой диктатуры фашизма, где монополистический капитализм проводит свою политику еще через парламент, где он

принужден был считаться с существованием целого ряда политических партий. Эта борьба существует и может моментами принимать острые формы. Но это есть борьба **в рамках и на почве фашистской политики.** Борьба германской социал-демократии с правительственным блоком Брюнинга может принять и острые формы, но социал-демократия не выйдет в ней за известные пределы, ибо она знает, во-первых, что, **быть может, тяжелая промышленность согласится еще на использование ее,** а во-вторых, **она не откажется предложить свои услуги, даже если монополистический капитализм пойдет по пути установления открытой фашистской диктатуры.** Борьба внутри буржуазного лагеря происходит не из-за вопроса: **демократия или фашизм,** а из-за вопроса: **открытая фашистская диктатура или прикрытая фиговым листком «демократия».**

Главари монополистической буржуазии пришли к убеждению, что в виду остроты внутреннего и внешнего положения надо добиться в первую очередь **твердого послушного большинства в парламенте,** которое не будет торговаться, которое будет просто выполнять приказание хозяев. Если эта задача не удастся, тогда остается об'явление **открытой диктатуры Гинденбурга,** за спиной которой будет действовать финансовый капитал. Социал-демократия, зная, что это уменьшило бы значительно ту роль, которую она играет, борется за сохранение такого положения, которое сделает невозможным установление без нее парламентского правительства и которое, с другой стороны, сделает рискованным прокламирование открытой диктатуры. Только об этом и идет речь. Социал-демократия надеется не только на то, что массы еще раз поверят в ее оппозиционность и что она получит приток голосов,— она надеется и на то, что процесс

перестройки всех буржуазных партий, который происходит в связи с выборами, вызовет временно их дезорганизацию и может привести к их поражению на выборах.

IV. Задачи буржуазии и неудача создания одной фашистской партии

Рейхсканцлер Брюнинг заявил в своей речи от 15 июля, в которой он обосновал необходимость принятия рейхстагом новых податей, налагающих на народные массы миллиардные тяготы, что положение ставит правительство перед задачами, «которые во многих отношениях тяжелее решить, чем те, которые стояли перед республикой в 1923 году, самом тяжелом в ее истории». Как известно, для решения задач в 1923 г. пришлось прибегнуть к передаче власти президентом республики Эбертом генералу Секту, командующему рейхсвером. Это было установление **временной** военной диктатуры. Если задачи теперь значительнее и труднее, то, видимо, приходится думать не о временной диктатуре, а **о фашистском перевороте.**

И мы можем наблюдать, как целый ряд слоев германской буржуазии выдвигает такую идею. Открытые фашисты пропагандируют открыто разгон парламента, прокламирование **«третьей империи»,** управляющейся диктатором при участии представительства всех «производящих сословий». Гугенберг — вождь открыто-фашистского крыла немецкой национальной партии—маскирует эти цели, требуя ограничения выборных прав, создания параллельно с парламентом представительства предпринимательских организаций с правом непосред-

ственного влияния на ход дел, а не только с совещательным голосом, каким пользуется так называемый «имперский хозяйственный совет». «*Deutsche Bergverkszeitung*», орган горнозаводчиков, возражая против идеи открытой фашистской диктатуры, выдвинул курьезный лозунг **«конституционной республики»,** который должен выражать стремление к ограничению власти парламента властью президента, не довольствующегося только временным вмешательством на основе 48 параграфа, который, как известно, требует подтверждения диктаторских решений парламентом.

Народная партия, центр, демократы повторяют в разных вариантах требование «реформ», по существу добиваясь того же самого, что открытые фашисты, но с оставлением видимости парламентского режима. Недаром могла спрашивать «*Kreuzzeitung*», орган юнкеров: «Что же делать, с демократической конституцией, если последняя буржуазная партия **отказывается от названия демократической?»**

Фашизация государственного аппарата Германии осложняется **существованием множества буржуазных партий,** задача которых на парламентской трибуне вести торг о защите специальных политически представляемых ими интересов разных групп и слоев крупной и мелкой буржуазия. **Трестированный капитал** обеспечивал проведение своих задач через парламент, несмотря на существование разных партий и их борьбу между собой, тем, что **представители его сидели во всех партиях буржуазии.** В то время, как в 1912 г. только 2% депутатов национал-либеральной партии, главной партии трестированного капитала, состояло из крупных промышленников, наследница этой партии «немецкая народная партия» насчитывала среди своих депу-

татов в 1919 г. **9,1%**, в 1924 г.— **13,7%** промышленников. Среди депутатов демократической партии процент крупных промышленников в 1919 г. равнялся **6,6**, а в 1924 г.—**12,5.** Но дело идет не только о наличии крупных промышленников в парламентском представительстве: депутаты являются **членами наблюдательных советов крупных предприятий и банков. 75** депутатов, распределенных на все буржуазные партии, занимали **310 постов** в наблюдательных советах крупной промышленности, **горная** промышленность имела **23** представителя в парламенте, **металлургическая** промышленность — **20, машиностроительная — 39, химическая — 15, банки и страховые общества — 83, транспорт и электричество — 47, разные — 83.** В парламенте заседали 27 крупных помещиков, из них 15, входящих в немецкую национально-народную партию [1].

Представители крупного капитала действуют, понятно, согласованно и добиваются голосования всех буржуазных партий по указке трестированного капитала. Все буржуазные партии зависят от трестированного капитала, ибо он финансирует их во время выборов, он содержит их прессу, даже когда она издается «самостоятельными» издательствами, как Моссе и Ульштейн, ибо и эти издательства зависят от банков. Но факт налицо,— что **это положение не обеспечило беспрекословного подчинения буржуазного большинства парламента воле трестированного капитала и что он принужден искать улучшения своего парламентского инструмента или замены его другим.** Мы увидим в дальнейшем причины этого явления, но отрицать **недовольства монополистического капитала парла-**

[1] 21 Monate s.-d. Koalitionspolitik. Berlin, 1930 г. Изд. КТ, стр. 21.

ментом не приходится, ибо иначе нельзя было бы понять, почему он стремится или к открытому фашистскому перевороту, или к фашизации парламентской системы.

Этот факт породил у немецкой **народной партии** — центральной партии трестированного капитала — **стремление к созданию единой буржуазной партии,** охватывающей все прослойки буржуазии от городских мелких буржуа из бывшей демократической партии до националистических помещиков. Но попытка эта кончилась полным крахом. Народной партии не только не удалось об'единение демократов, центра, хозяйственной партии, националистов, но налицо — **перегруппировка и у демократов и у юнкеров. Демократы** об'единились с фашистской организацией «молодой Германии» («Юнгдо»). **В националистической** партии произошел раскол на 4 группы: группу **Гугенберга,** группу **народно-консервативную (Тревиранус-Вестарп),** группу **сельского союза (Шилле)** и группу **христианско-социальную.** Три из этих групп будут на выборах блокироваться против группы Гугенберга. Одновременно назревает раскол у открытых фашистов, где от **Гитлера** откололась группа **Штрассера,** обвиняющая гитлеровское руководство в том, что оно готовится к союзу с трестированной буржуазией и принимает участие в подготовке войны против СССР, что «недостойно национального социалиста». Недаром «Kreuzzeitung», орган народной консервативной партии, заявляет (от 27 июля), что правый сектор германской политики представляет собой «развалины».

Что кроется за этим «распадом»? Каковы его источники, и **означает ли он, что миновала или что уменьшается опасность фашизма?** Ответ на этот

вопрос должен бросить интересный свет на вопрос об **«организованном капитализме».**

Во-первых, **монополистический капитал не устранил существования домонополистических капиталистических форм и в сельском хозяйстве и в торговле, он не устранил существования мелкой и средней промышленности.** Все эти «уклады» пытаются защищать свои **особые интересы.** Достаточно указать на такой факт, что в послевоенной Германии могла возникнуть и собрать **1 400 тыс. голосов** такая абсолютно лишенная всякой общей идеологии партия, как **хозяйственная партия,** объединяющая лавочников, борющихся против кооперативов и универмагов, собственников домов, борющихся за повышение квартплаты, ремесленников, отстаивающих еще теперь свои интересы против фабрики. Фашистские организации в значительной мере наполнены этими элементами. Конечно, было бы смешно думать, что эти организации свободны от влияния финансового капитала. Достаточно указать на тот факт, что в парламентской фракции «хозяйственной партии» четыре депутата сидят одновременно в **14 наблюдательных советах** крупных предприятий и банков, что организация **национал-социалистов,** руководимая **Гитлером,** финансируется целым рядом **крупных промышленников.** Но дело в том, что **мелкая буржуазия,** входящая в эти организации, думает, что они борются **против трестированного капитала,** и поэтому, если эти партии хотят существовать и удержаться во время выборов, то они должны по возможности **скрывать свою зависимость от крупного капитала.**

Характерно, что из всех буржуазных партий наиболее устойчивым оказался католический центр, именно потому, что ему удавалось всегда

прикрывать ширмой «защиты религии» свою зависимость от помещиков и капиталистов. Как старательно партия центра скрывает свою зависимость от крупного капитала, показывает следующий факт: **центральный орган** этой партии («Германия») находится, как известно, в руках одного из главарей тяжелой промышленности **Флориана Клекнера.** Но партии центра даже и в голову не приходит назначать Клекнера своим председателем. Председателем является прелат Каас.

Созданию одной фашистской партии при существовании парламента противоречат, таким образом, прежде всего интересы мелкобуржуазных партий, боящихся потерять влияние на своих избирателей, настроенных враждебно к крупному промышленному капиталу.

Значительные массы городской мелкой буржуазии пошли после войны за **немецко-националистической** партией, возникшей в дни ноябрьской революции из старой помещичьей **консервативной партии, «свободноконсервативной партии»,** представляющей значительную часть тяжелой промышленности и правой части **национал-либералов.** Националистическая партия выросла благодаря поддержке этих масс с **3 122 000** голосов в 1919 г. до **6 206 000** в 1924 г. (только в выборах 1928 г. число голосов уменьшилось до **4 330 000**). В то время как обе старые консервативные партии Германии получили перед войной **70%** всех своих голосов в местностях, насчитывающих **менее 2 тыс. жителей,** 13% голосов — в местностях с населением **до 10 тыс. жителей** и **16%** голосов — в местностях **свыше 10 тыс. жителей — в 1924 г.** соответствующие цифры избирателей национальной партии составляли **52, 14 и 34%. Националисты собрали в 1924 г. 1 635 тыс. голосов, т.-е. 26% своих голосов,**

в 45 городах с населением свыше 100 тыс. Перед войной обе консервативные партии получили в таких крупных центрах незначительное количество голосов.

Что же притянуло к националистической партии, в основе **помещичьей,** эти громадные городские массы? Эта партия выражает **протест против крушения германского империализма,** хотя именно ее политика в первую очередь привела к нему. Она выражает протест против подчинения побежденной Германии Антанте, она выражает недовольство старой бюрократии тем, что место ее заняли новые «выскочки» из социал-демократов и демократов. Высшие слои городской мелкой буржуазии, интеллигенция, бюрократия, офицерство, не желающие примириться с последствиями поражения Германии, с победой ноябрьской революции, голосуют за националистов. Они создают военные организации, попытавшиеся в 1920 г. в капповском восстании свалить правительство социал-демократов, центра и демократов и открыть путь к реставрации монархии.

Эта масса мелкобуржуазных элементов сделала националистов **второй** по силе политической партией в Германии, позволила ей держать под ударом и терроризовать правительство, но одновременно стала помехой и преградой для самой националистической партии, поскольку дело идет об участии националистов в коалиционном правительстве. **Помещики,** понятно, предпочитают непосредственно участвовать в правительстве, влиять конкретно на его политику, занимать государственные посты, чем довольствоваться протестами против версальского договора и угрозами против «ноябрьских преступников». Это требует участия во внешней политике правительства, которая пред-

ставляла политику беспрерывных уступок Антанте, и мы видим, как часть депутатов националистической партии воздерживается при голосовании дауэсовского доклада и спасает его таким образом от провала. Но это вызывает тяжелейшую борьбу **внутри партии. Ее городские мелкобуржуазные элементы, подстрекаемые частью тяжелой промышленности, стремящиеся к фашистскому переустройству Германии, сопротивляются примирению националистической партии с республикой и политикой сделки с Антантой.** Националистско-фашистская политика этих элементов, руководимых **Гугенбергом,** который об'единяет благодаря своему прошлому **мелкобуржуазный национализм** (он вырос в борьбе за германизацию польских областей при помощи колонизации их немецким кулачеством) **с национализмом тяжелой промышленности** (он был директором крупповских заводов), привела к расколу партии националистов на **помещичью** консервативную и **националистическо-фашистскую** часть.

Мы вернемся еще к этим бунтам мелкой буржуазии, когда будем рассматривать фашистское **гитлеровское** движение. Теперь перейдем к рассмотрению борьбы, происходящей в **лагере самого крупного капитала** и затрудняющей ему создание единой фашистской партии.

Борьба эта идет и по линии противоречий **интересов тяжелой и перерабатывающей промышленности,** которая страдает от монопольных цен на уголь и железо, и по линии борьбы **внутри трестированного капитала.** Утверждение **Ленина,** что **«монополия, выросшая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, прений и конфликтов»,** имеет не

только громадлейшее **теоретическое** значение, как предостережение перед неправильным, оппортунистическим пониманием монополистического капитализма, но она **предостерегает и от перенесения этого неправильного понимания на жизнь политических партий,** что не позволило бы понять самых важных фактов и привело бы к очень большим практическим ошибкам.

Противоречие между тяжелой и перерабатывающей промышленностью, которое раньше находило свое выражение и в борьбе между **прогрессистами** и **национал-либералами,** и в борьбе двух крыльев национал-либеральной партии, — Штреземан выдвинулся именно как представитель перерабатывающей промышленности, — существует и теперь. Перерабатывающая промышленность проявляет более склонности к **коалиции с социал-демократией,** ибо, будучи слабее, чем более организованная и более богатая капиталом тяжелая промышленность, она предпочитает бороться с рабочим классом при помощи социал-демократии, прикрывая насилие обманом.

Но кроме этих противоречий выступили в последний период и **новые.** Правые оппортунисты, говорящие об уничтожении монополистическим капитализмом конкуренции, представляли себе это таким образом, что раз данная область промышленности организована в один трест, то этим устраняется конкуренция. Но, во-первых, почти нигде не удалось до конца об'единить в один трест предприятия одной отрасли; во-вторых, те предприятия, которые входят в трест, в картель, не перестают бороться за причитающуюся им долю участия в рынке и часто для расширения своего влияния внутри треста строят новые заводы и организуют новые виды предприятий. Наконец, что самое

важное, **конкуренция не происходит только между предприятиями одной отрасли промышленности.** Происходит **борьба за денежный рынок, за прибыли между разными отраслями промышленности,** и именно этот факт нашел яркое отражение в политических перегруппировках, происходящих в буржуазном лагере Германии за последние недели.

Часть немецкой **химической** промышленности, организованная в красильный трест Interessen-Gemeinschaft der Farbenindustrie (I. G. F.), представляет теперь один из самых крупных мировых трестов. Производство синтетического азота из воздуха для военных целей и для удобрений дает ему громадные прибыли. Тяжелая промышленность, получающая как побочный продукт аммиак, вступила в конкуренцию за эти прибыли. Концерн Клекнера построил в Кастропе громадную фабрику азота, стальной трест построил в Штеркраде громадные химические фабрики. Прорвав фронт химического треста, тяжелая промышленность добилась 30-процентного участия в снабжении рынка азотом. Но и этим она не довольствуется, борьба становится все острее, тем более, что она происходит в условиях перенасыщения мирового рынка азотом.

Химическая промышленность имела своих представителей почти во всех буржуазных партиях: в **демократической** партии влияние ее защищал банкир Мельхиор, один из главных финансовых столпов демократов и член наблюдательного совета I. G. F. В **народной партии,** партии тяжелой промышленности, ее представлял Мольденгауэр — министр финансов, заменивший на этом посту Гильфердинга. Но уже падение Мольденгауэра, не поддержанного своей партией, показало, что химический трест не мог полностью полагаться на на-

родную партию, в которой преобладали интересы **горнозаводской и стальной промышленности,** держащей в своих руках и **фашистское крыло националистов.** Народная же партия и националисты опирались на вооруженную организацию **«Стального шлема»** и отчасти **гитлеровцев.** Для противовеса пришлось химическому тресту опереться на фашистскую организацию «Младогерманского ордена», которая с самого своего основания отличалась от других фашистских организаций тем, что рекрутировалась не из среды мелкобуржуазной, люмпен-пролетарской, а из среды буржуазной, не находясь под руководством юнкерских офицеров. Эта организация не отличалась при своем создании от других фашистских организаций своей внешне-политической установкой.

В 1926 г., вступив в финансовую связь с германским **калийным синдикатом,** добившимся в это время соглашения с **французским калийным синдикатом,** она переменила свою внешне-политическую ориентировку, выдвинув лозунг: **«Соглашение с Францией и подготовка войны с СССР».** Теперешнее соглашение химического треста с «Младогерманским орденом» дает химическому тресту опору в фашистской военной организации, позволяет и ему бросить на чашу весов свою военную организацию. Но трудно все-таки и химическому тресту и младогерманской фашистской организации выступать нагишом, без всякого политического прикрытия. Поэтому пришлось увенчать дело комбинацией на политической арене, **об'единив демократическую партию с «Младогерманским орденом».** Демократическая партия, возникшая в 1918 г. из хиреющих предвоенных прогрессистов, получила при выборах в учредительное собрание **пять с половиной миллионов голосов,** т. е. больше, чем националисты

и народная партия, ибо буржуазия, из страха перед пролетарской революцией, считала необходимым выступить под знаменем демократии и социальной реформы. Партия прогрессистов, представлявшая перед войной торговый капитал, мелких и средних промышленников, городскую мелкую буржуазию, более годилась для этой цели, чем тогдашняя партия национал-либералов, бывшая знаменосцем тяжелой промышленности и кайзерского империализма. Но после победы буржуазии над пролетариатом, когда необходимость демократической маскировки, по мнению буржуазии, уменьшилась, демократы с каждыми выборами теряли силу: в 1928 г. они получили только полтора миллиона голосов, и с каждым годом шли все более вправо. Таким образом у них самих исчезали препятствия к тому, чтобы стать партией одного из трестов, а с другой стороны — росла их потребность подкрепиться деньгами химического треста и опереться на массовую силу какой-либо фашистской организации.

Поэтому с такой легкостью удалось председателю демократической партии Кох-Везеру с председателем «Младогерманского ордена» за спиной членов обеих партий об'единить обе организации в новую, так называемую **«государственную партию»**. Скоропалительность, с которой это об'единение было проделано, как оказывается, только кажущаяся: переговоры об об'единении велись очень давно. Участие в них принимал еще покойный Штреземан. За кулисами же работали банкир Мельхиор, директор химического треста Роберт Бош и генеральный директор химического треста Гуммель. Их подписи не значатся под воззванием новой партии. Химический трест в этом воззвании представляют «люди науки» — проф. Бегиус, изо-

бретатель синтетического бензина, и проф. Габер, известный изобретатель немецких военных газов и синтетического азота, который вносит как приданое в новую партию еще свои великолепные связи с Гинденбургом, возникшие во время войны, когда он возглавлял химическую подготовку германской армии и ездил по этим делам постоянно в ставку.

Германская коммунистическая партия вскрыла перед широкими массами этот «синтетический» способ создания буржуазных политических партий в период переживаемых монополистическим капитализмом революционных потрясений и назвала **«государственную партию» партией ядовитых газов.** Эта партия представляет собой **образец фашизации буржуазных партий** во всех отношениях. Еще называясь демократической, она сделала больше, чем другие, для подготовки «общественного мнения» к переложению новых налогов на пролетариат и широкие народные массы городской и деревенской бедноты. Член этой партии Дитрих в качестве последнего министра финансов кабинета Брюнинга является не только одним из застрельщиков этого похода на карманы рабочего класса, но он, совместно с «левым» вождем партии центра Виртом, взял на себя задачу **замаскировать фашистский характер политики Брюнинга.** Теперь демократическая партия прямо связалась с фашистской организацией, обагренной кровью тюрингенских и вестфальских рабочих, которых расстреливали молодцы из «Младогерманского ордена» не хуже членов организации «Консул», «Оберланд» и других белых шаек. Но **«государственная партия»** не довольствуется этой подготовкой разгрома пролетариата собственными силами. Укрепляя фронт фашизма, она **не отказывается от использо-**

вания и социал-фашизма для проведения программы трестированного капитализма. Вожди ее пытаются оставить мост к коалиции с социал-демократией. Так например, Гепкер Ашоф, заменивший в руководстве Кох-Везера, в статье своей в «Kölnische Zeitung» от 5 августа указывает на великолепную совместную работу социал-демократов с буржуазными партиями, на совместную работу прусского правительства, возглавляемого социал-демократом Брауном, с имперским, и пишет: **«Может еще прийти момент, когда опасность заставит все силы, стоящие и за правительством Брюнинга, и за правительством Брауна, совместно бороться против красной волны радикализма».**

Групповые противоречия, существующие в буржуазном лагере, конкуренция в старой форме (внутри одной отрасли промышленности) и между разными отраслями трестированного капитализма, **не позволяют без обстановки гражданской войны возникнуть единой фашистской партии.** Но и **итальянский фашизм** победил без того, чтобы предварительно уничтожить все буржуазные партии. Для его победы достаточно было, чтобы **не оказалось выхода на путях парламентского режима при помощи комбинации существующих буржуазных партий.** Для его победы достаточно было, во-вторых, чтобы все буржуазные партии были **раз'едены фашизмом изнутри,** чтобы они настолько потеряли веру в возможность защиты своих интересов старыми средствами, чтобы быть неспособными противостоять наступлению открытых фашистов. Достаточно было, в-третьих, **чтобы с фашистскими организациями связались влиятельные круги капитализма.** Наконец, четвертым условием победы фашизма в Италии было то, что **партия пролетариата** оказалась недостаточно сильной для победы,

но достаточно сильной, чтобы напугать опасностью революции всю буржуазию.

На этом спекулируют открытые фашисты, идущие под знаменем Гугенберга и Гитлера.

Органы тяжелой промышленности еще притворяются, что они не за такое решение. По поводу исхода выборов в Саксонии орган тяжелой промышленности «Deutsche Allgemeine Zeitung» писал 24 июня: **«Каждый нерв протестует в нас против мысли, что не будет спасения, пока мы снова не пройдем через гражданскую войну».** Статья эта носит подпись: Ф. К. Это — инициалы доктора Фрица Клейна, редактора этого влиятельного органа тяжелой промышленности, назначенного теперь начальником отдела печати имперского правительства. Насколько лицемерна эта фраза, видно из книги, выпущенной на-днях этим же автором, где он высказывается против немедленного прокламирования открытой фашистской диктатуры, ибо это вызвало бы всеобщую забастовку и гражданскую войну. Он, «пока-что», за диктатуру президента республики, прикрытую 48 параграфом веймарской конституции. Но это только **теперь.** Что касается будущего, то он высказывает свои симпатии к стремлениям фашистской организации «Стального шлема» и пишет: **«Стальной шлем» является крупной, необходимой резервной армией на случай событий, которые могут развернуться. Но было бы преждевременно его сегодня уже повести в бой, ибо угрожает опасность, что он растеряет силы, понесет преждевременные потери и окажется чересчур слабым в решительный момент»** [1].

Таким образом, и этот «противник» открытой

---

[1] Friz Klein, 13 Männer regieren Europa, Hambourg, 1930 стр. 14.

фашистской диктатуры и защитник попытки установления диктатуры под прикрытием веймарской конституции отчетливо говорит о возможностях пуска в ход **вооруженных фашистских военных организаций** для установления такой диктатуры. Его нервы, которые протестовали против такой мысли в газете, предназначенной для широких кругов, не мешают ему разбирать хладнокровно **планы борьбы** в книге, предназначенной для узкого круга читателей. **Германский монополистический капитализм пытается достигнуть окончательной фашизации государственного аппарата, осуществления своей открытой диктатуры парламентским путем, но он уже готовит эту гражданскую войну и усиливает для нее организацию «Стального шлема» «национал-социалистической партии» Гитлера.**

V. Германский фашизм

История германского фашизма еще не написана. Отчасти потому, что он уходит корнями своими в нелегальные военные организации, прячущие перед общественным мнением свое кровавое прошлое, а отчасти потому, что на него смотрели чересчур долго как на конъюнктурное явление, которое не стоит особенно изучать. Несмотря на это, основная линия развития германского фашизма довольно ясно встает перед наблюдателем немецкого послевоенного развития.

Немецкий фашизм уходит своими корнями, как мы сказали выше, в вооруженные организации, созданные германской буржуазией немедленно после ноябрьской революции. Достаточно пересмотреть список руководителей ударных батальонов Гитлера, чтобы увидеть личную связь, существую-

щую между белыми организациями 1918 и 1919 гг. и нынешним фашистским движением. Но было бы ошибкой не заметить **разницы** между этими организациями. Вооруженные организации, созданные на добровольческих началах в конце 1918 и начале 1919 гг., не имели ни собственной политической программы, ни стремления взять самостоятельно в свои руки управление государством. Они представляли собою вспомогательные органы, созданные старых фронтовых связей, и сами они смотрели талистов, напуганных революцией, стремившихся в первую очередь не допустить до перерастания ноябрьской революции в социалистическую. И руководители, и громадное большинство рядовых членов этих организаций стояли полностью на почве предвоенной идеологии и представляли себе решение германского вопроса на путях **простой реставрации,** возврата к старому. Они были монархистами, империалистами и националистами. Организации эти возникли где попало на основе старых фронтовых связей, и сами они смотрели на себя как на оружие старых военных начальников, которые пустят их в ход, когда соблаговолят. В организациях этих преобладало студенчество, происходящее из буржуазных и юнкерских семей.

Перемена в этом положении началась, когда денежная инфляция схватила за горло **мелкую буржуазию.** Мелкая буржуазия, голосовавшая при выборах в учредительное собрание за **социал-демократов, демократов и партию центра,** пришла к убеждению, что «демократическая республика» не только не улучшает ее положения, но означает полное ее разорение. И за инфляцию, предрешенную тогда, когда имперское правительство построило свою политику на предположении, что союзники уплатят все военные расходы, и за репарации, ко-

торые должна была уплатить побежденная Германия, мелкая буржуазия делала ответственными социал-демократов, партию центра и демократов, которые даже не попытались переложить тяжести на крупный капитал, наживающийся на разорении народных масс. Мелкая буржуазия начала искать выхода вне решений, предлагаемых, с одной стороны, коммунистами, а с другой — открытыми представителями трестированного капитала. Полная националистических предрассудков, полная неверия в рабочий класс, который мог в ноябре действительно взять власть и дать новое направление истории Германии и не сделал этого, она, с другой стороны, видела в господстве старых буржуазных партий, в господстве трестированного капитала кандалы для себя. В тисках этих противоречий она создает себе еще до победы фашизма в Италии **фашистский идеал государства, в котором господствовать должен «труд», в котором будет сломлено «иго процента».** Она обращает главный свой удар против банковского, ростовщического и торгового капитала.

Выступления Гитлера и его главных теоретиков, Розенберга и Федера, в 1920 — 1921 гг., полные идейной путаницы, выражают эти чаяния мелкой буржуазии. Но уже тогда вожди фашистского движения являлись орудием трестированного капитала, уже тогда они **не были просто выразителями безысходного положения мелкой буржуазии.** Тот же самый **Стиннес,** сознательно толкавший правительство на инфляцию, поддерживал материально фашистов, выступавших то под названием национально-социальной партии, то под названием «народников» («Völkische»), и натравливал их против «ноябрьских преступников», представляемых как виновников инфляции. Фашисты одновременно

связаны через военные заговорщические организации с помещиками, которые надеются при их помощи просто захватить власть. Это переплетение мелкобуржуазно-фашистского движения, стремящегося к утопии мелкобуржуазного рая, с реставраторскими тенденциями помещиков и со стремлением части трестированного капитала к захвату власти находит свое выражение в сумбурной политике фашистских организаций 23-го года, когда они стремятся к установлению диктатуры не то под руководством бывшего фельдфебеля Мину, ставшего финансовым директором Стиннеса, не то Людендорфа и Гитлера, когда они создают, с благословения рейхсвера, тайные военные организации, чтобы завтра организовать против рейхсвера восстание в Кюстрине.

Поражение фашистских организаций в ноябре 1923 г., когда они были позорно разбиты незначительными вооруженными силами, имея громадный перевес по сравнению с противником, не лишило их симпатий мелкобуржуазных масс. При выборах в мае 1924 г. фашисты, которые недавно ютились на задворках германско-национальной партии, получают **1.918** тыс. голосов и выступают в парламенте в качестве самостоятельной политической фракции.

Стабилизация германского капитализма, последовавшая за восстановлением валюты, дауэсовским договором и американскими займами, приводит к **спаду фашистской волны.** В декабрьских выборах 1924 г. они теряют больше половины голосов, получив только 907 тыс. При выборах в мае 1928 г. этот процесс еще продолжается, они получают только **809** тыс. голосов. Отдельные слои рабочих, потерявших веру в социал-демократию, но не верящих еще в возможность самостоятельного захвата вла-

сти пролетариатом, которые пошли за фашистами (очень характерно, что наибольшее количество рабочих фашисты завоевали в **саксонских** и **тюрингенских** округах, где господствует домашняя система капиталистической промышленности), отошли от политики, надеясь, что стабилизация даст им снова работу и хлеб. Часть мелкой буржуазии воспрянула снова духом, надеясь, что под'ем капитализма и их поставит снова на ноги. Но одновременно с этим падением численного влияния фашистов, организованных теперь в одну национально-социалистическую партию, руководимую Гитлером, идет **политическое и организационное укрепление фашизма.**

«В то время как в 1924 г. фашизм располагал только организационными пунктами в Баварии и в нескольких пунктах на севере, сегодня фашисты организованы во всем государстве. Теперь нет ни одного крупного или среднего города, где бы не существовали местные организации национально-социалистической партии. Она имеет свои организации даже в малых деревенских местностях, где даже социал-демократии не удалось до этого времени пустить корни. «То, что не удалось до этого времени ни одной партии,— противопоставить социал-демократической организации равную, это удалось национал-социалистам»,— пишет социал-демократ Мирендорф в своей статье «Лицо и характер национал-социалистического движения» («Gesellschaft», июньский номер 1930 г.). Теперешняя организация фашистов отличается от старой тем, что военные организации подчинены в ней политическому руководству, которое смотрит на свои ударные батальоны не как на заговорщические организации, долженствующие быть пущенными в ход в случае восстания, **а как на ежедневно дей-**

ствующие отряды, терроризирующие противника, внушающие и рабочим массам и буржуазии убеждение, что фашизм представляет собой силу, с которой надо считаться.

Политическая программа фашистов, принятая в 1920 г., требующая перехода **«в государственную собственность всех заводов, имеющих общественное значение»,** требующая **уничтожения всех доходов, «не основанных на труде»,** осталась формально в силе. Она даже об'явлена не подлежащей изменению, но раньше чем немецкий фашизм пришел к власти, он уже от этой программы на деле отказался. В многократных заявлениях указывал **Гитлер** и другие представители фашизма, что, понятно, не может быть и речи о конфискации собственности крупных концернов, руководители которых играют «творческую роль» в развитии экономической жизни. «Действительно, великие творцы нашей тяжелой промышленности, как Крупп, Кирдорф, Тиссен, Манессман, Сименс, не могут быть об'ектами национализации» — писал теоретик немецкого фашизма **Федер.** Национализации подлежат, по новому толкованию, только тресты, занимающиеся спекуляцией, ростовщичеством, чего, как известно, Круппы никогда не делали...

Пункт программы, требующей **безвозмездной конфискации земельной собственности,** нужной для общественных целей, тоже об'явлен недействительным. В заявлении от 13 апреля 1928 г. Гитлер установил, что немецкий фашизм стоит **на почве частной собственности** и что требование «безвозмездного отчуждения» означает только создание законной возможности отчуждения земли, присвоенной незаконно или использованной в противовес народным интересам. Но это относится в первую очередь к «еврейской поземельной спекуляции».

Всякий разбор фашистской программы имеет, понятно, смысл только с точки зрения чисто агитационной. **Было бы величайшей ошибкой хоть на один момент оценивать фашизм на основе его программы.** Если Гитлер и руководящая фашистская группа при возникновении своем, может быть, и верили, что они призваны осуществить какую-то «третью империю», какое-то «царство труда», то это время младенческих мечтаний давно миновало. Приятель трестовского короля Кирдорфа, приятель Борзига далек от подозрения, что он не знает, что делает. Мало того, Гитлер делает все для устранения с руководящих постов своей организации всех, кого подозревает, что он еще верит в официальные цели фашистской программы.

Иначе дело обстоит с массами, идущими за фашизмом. **Социальный состав** национал-фашистской партии очень пестрый. В ее рядах находится значительное количество разоренных ремесленников.— а «самостоятельных» ремесленников в Германии ведь не меньше 3 миллионов. Эта масса ищет в гитлеровской партии путей к своему освобождению. То же самое надо сказать о той части **мелкого крестьянства,** которую аграрный кризис оторвал от помещичьей консервативной партии и погнал в ряды фашистов. То же самое надо сказать о рабочих, примыкающих к гитлеровцам. Если часть из них идет в фашистские организации там, где этого **требуют предприниматели,** чтобы обеспечить себе кусок хлеба, то не подлежит сомнению, что другие идут, будучи убеждены, что под фашистским знаменем будут бороться за собственные интересы и что именно наличие военной организации, офицерского руководства облегчит им победу.

Что так дело обстоит, об этом свидетельствуют лучше всего два факта: во-первых, характер **фа-**

шистской прессы. Она ведет «антикапиталистическую агитацию» в самых острых тонах, что свидетельствует о том, что она видит в этой агитации средство привлечь рабочие массы. Второй факт,— что **под'ем фашистского движения начался** именно с окончанием экономического под'ема, с **началом колебания стабилизации и кризисом.** Все последние выборы дают картину роста фашистских голосов. Прусские выборы в ноябре дали прирост на 160%, выборы в Тюрингии и Бадене — 200%, выборы этого года в Саксонии — прирост на 300%, где фашисты стали количественно равны коммунистической партии. Само собой понятно, что разоренные мелкие буржуа, которые идут во время кризиса к фашистам, идут к ним не потому, что фашистские руководители ни на один момент не берут всерьез своих «социалистических» заявлений, а, наоборот, потому, что эти массы верят в серьезность этих заявлений.

Среди руководителей германского трестированного капитала и среди той части юнкерства, которая идет за Гугенбергом, происходят споры на тему, что надо считать более важным: то, чего ожидают от фашизма идущие за ним плебейские массы, или же факт, что Гитлер и его штаб — все эти генералы Эппы, Лицманы, фон-Либерты,— его пресса и его журналисты полностью зависят от финансирующего их капитала.

Народная партия, выпустившая против национал-социалистов брошюру под заглавием **«Волк в овечьей шкуре»,** в которой доказывается, что фашисты в своей ежедневной агитации повторяют только коммунистические лозунги, видно, опасается, что эти лозунги, распространяемые в широких народных массах могут сыграть свою роль, независимо от того факта, что для фашистского руковод-

ства они имеют значение только приманки по отношению к народным массам. Того же самого боится часть помещиков, взбунтовавшаяся против руководства Гугенберга, блокирующегося с Гитлером. «Из рядов правого сектора, из рядов буржуазии и ценных средних слоев загоняются таким образом массы в об'ятия национал-социалистов,—жалуется граф Вальдерзее в «Kreuzzeitung» от 30 августа.— Фашисты, руководимые искусными, ни с чем не считающимися агитаторами, вооруженными программой, растяжимой, как каучук, прикрывают свои «социалистические» идеи национальным плащом и антисемитизмом, импонируют молодежи дисциплиной. Их стычки с коммунистами придают им вид молодцеватости, и многие не замечают величайшей опасности их программы, которая требует отчуждения поземельной собственности. Даже принцы приветствуют требование конфискации крупных банков (!!)... не замечая, что сами будут жариться на том же огне вместе с еврейскими банкирами».

Но целый ряд влиятельнейших представителей трестированного капитала и помещиков убежден, что **можно будет использовать фашистские организации для завоевания власти, после чего удастся взять курс, отвечающий интересам крупного капитала.** Трестированный капитал и теперь влияет решающим образом на политику германской буржуазной республики, дело идет только о том, чтобы освободить ее от парламентской «демократической» оболочки и освободить себя от необходимости известных уступок рабочему классу, которые, по мнению трестовиков, являются только результатом наличия «демократических прав» у рабочих.

Трестовики не боятся серьезных осложнений со стороны мелкобуржуазных и рабочих масс, иду-

щих за фашистами, ибо дело идет ведь **не о разрушении старого государственного аппарата.** Аппарат этот фашизирован в продолжение последних лет при помощи социал-демократии. Армия старых чиновников, вооруженные силы государства и полиция должны помочь наложить ярмо на мелкобуржуазные фашистские массы, после того как они будут использованы для устранения или ограничения демократических прав. Ведь и Муссолини пришел к власти, возбуждая громадные надежды мелкой буржуазии, и, не сдержал этих обещаний позже.

Только исторический опыт покажет, в какой мере верны опасения части немецкой буржуазии насчет возможностей бунта мелкобуржуазных фашистских масс. Группа Штрассера, поднявшая знамя бунта против Гитлера во имя недопустимости союза «национально-революционных социалистов» с крупным капиталом и во имя недопустимости участия национал-социалистов в подготовке интервенции против СССР, протянула за собой, повидимому, **незначительные массы.** Бунт гитлеровских преторианцев направлен был больше на завоевание материальных уступок, чем на изменение политики гитлеровской партии. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что открытое участие гитлеровцев в национальном правительстве рядом с представителями крупного капитала вызвало бы большое брожение в фашистских мелкобуржуазных и рабочих массах и позволило бы **коммунистической партии** оторвать значительную часть этих масс от фашизма.

Такое вхождение в коалиционное буржуазное правительство наверно входит в расчеты Гитлера как этап на пути к фашизации государственного строя, к проникновению в рейхсвер и полицию, что должно фашистам облегчить завоевание всего

государственного аппарата в случае дальнейшего обострения социального кризиса в Германии. **Но завоевание власти, а не участие в ней является целью фашистов.** Во власти участвует и германская мелкая буржуазия и германский трестированный капитал. Как бы ни определять природу фашизма—с точки ли зрения его мелкобуржуазных масс, или с точки зрения его крупнокапиталистического руководства,—ему не приходится бороться за участие во власти. Предмет борьбы—полное завоевание, полное подчинение политики германской республики воле действительных руководителей фашистского движения, т. е. воле трестированного капитала. Гитлеру делали после исхода саксонских выборов упрек, что ему не удалось разбить ни социал-демократов, ни коммунистов, что единственный результат его агитации — это потеря голосов буржуазными партиями. Гитлер на это ответил, что для того, чтобы победить «марксистов» (у гитлеровцев и социал-демократы считаются все еще марксистами), надо предварительно покончить с расхлябанностью и множеством буржуазных партий. Гитлер подготовляет, повидимому, блок, или об'единение гитлеровских вооруженных организаций, по крайней мере с частью «Стального шлема», вооруженной организации, охватывающей значительную часть средней германской буржуазии и офицерства, не примкнувшего к национал-социалистической партии. Это должно создать крупный вооруженный кулак и значительную массовую базу на случай, если парламентская республика не сумеет компромиссным путем, путем сговора с социал-демократией, решить вопросы, стоящие перед германской буржуазией. Германский фашизм видит в выборах только **этап в своей борьбе за власть.**

VI. Положение рабочего класса и задачи компартии

Давно ли германская социал-демократия кричала на всех перекрестках, что социализм в Германии победно марширует вперед и что погубить его может только безумство коммунистов? Только 12 лет минуло с того времени. **Громадный рост капиталистических трестов и картелей** — такова действительность, в которой мог убедиться за эти 12 лет германский рабочий класс. Не будучи уже в состоянии отрицать эту действительность, социал-демократия начала прикрашивать ее: тресты и картели — это «организованный капитализм», демократия должна его контролировать и тогда... тогда получится **«производственная демократия».** Только три-четыре года миновало с того момента, когда господа социал-демократы во главе с Гильфердингом, одним из главных участников старой комиссий «социализации», выдвинули лозунг «производственной демократии». Они чувствовали себя в то время так крепко в седле, что господин Гильфердинг заявил на с'езде в Киле, что коммунистическая партия перестала быть опасностью, что она принадлежит прошлому.

А теперь социал-фашисты идут на выборы с криком: демократия в опасности, в опасности права рабочего класса! Социал-демократия в своей прессе страстно бичует коммунистов за то, что они не хотят ее поддержать в ее борьбе за «спасение демократии» от того же самого католического центра, от той же самой народной партии, с которой рука об руку вчера социал-демократы «углубляли» политическую демократию и подготовляли введение «производственной демократии». Они, цитируя с восторгом признание «Дейтше Альгемейне Цейтунг», что

трестированный капитал, который хочет на выборах приручить социал-демократию так, чтобы, помогая фашизировать всю политику Германии, она не смогла при этом делать никаких демагогических жестов, надеется... и на выборную победу коммунистов. Да, короли трестов надеются, что если коммунисты значительно ослабят при выборах социал-демократию, то она будет **послушнее** и бросит притворяться после долгих лет блуда с капиталом, что защищает свою невинность.

Социал-демократия скрывает, однако, как оценивает **на деле** «Дейтше Альгемейне Цейтунг» роль социал-фашистов.

«Удушение революции в ее первоначальной стадии — это заслуга в первую очередь тогдашней социал-демократии большинства» (шейдемановцы). Буржуазия в этот момент полностью спасовала. Только когда миновало самое худшее нервное потрясение, были созданы добровольческие вооруженные организации, которые во имя спасения государства **действовали рука об руку с социал-демократическим правительством** и помогли спасти в продолжение ближайших месяцев немецкое государство».

Вот что напечатано в этом органе трестов от 31 августа 1930 г.

Социал-демократия спасла капиталистическое государство в 1918 г. Военные добровольческие организации буржуазии играли в этом только вспомогательную роль. Укрепившись, значительная часть трестированного капитала считает, что пора взять дело спасения буржуазного отечества целиком в свои руки, опереться, в первую очередь, **на вооруженные фашистские силы,** а социал-демократию послать в лакейскую. Если понадобится выпускать ее снова против рабочих, то она будет

тем более послушна, чем дольше ее выдержать в этом положении. Если побои, получаемые от трестированного капитала, помножатся на пинки, которые социал-демократия получит от революционных рабочих,— тем лучше! Она завтра будет бить рабочих не только по приказу своего хозяина для спасения капитализма, но и из собственной ненависти, мстя за то, что коммунисты разоблачили ее перед рабочими массами.

Нет ничего комичнее, чем попытки социал-демократии представить дело так, что якобы буржуазия спекулирует на победе коммунистов. Тот же самый католический центр, та же самая народная партия трестовиков, против которых социал-демократы якобы борются за «спасение демократии» и за «рабочие права»,— сидят во время этого «жестокого боя» спокойнейшим образом в правительстве самого крупного германского государства — в **Пруссии, совместно с социал-демократами** и, ничтоже сумняшеся, доверяют **руководство** этим правительством **социал-демократу Брауну,** министерство внутренних дел — социал-демократу Веттингу и полицей-президентство в Берлине — Цергибелю.

Фашисты истерично вопят против социал-демократов, но избивают... Макса Гельца и других представителей коммунистической партии. Хроника газет полна сведений о перестрелках между фашистскими дружинниками, **пользующимися покровительством социал-демократических полицейпрезидентов,** и коммунистическими рабочими. А социал-демократическая пресса продолжает «наивно» ставить на одну доску белых фашистских бандитов капитала с подлинными защитниками пролетариата...

Все же потуги социал-демократов представить свою партию в качестве «оппозиции» фашизму, а

коммунистов — в качестве союзников фашизма, обманут только самых отсталых рабочих. Всякий мало-мальски мыслящий рабочий видит ведь, что социал-демократы сегодня, во время выборов, не имеют более крупной заботы, чем та, **примут ли их обратно в коалиционное правительство** представители центра и народной партии. Прусский премьер-министр, социал-демократ Браун обращается во всякой своей выборной речи к канцлеру Брюнингу с вопросом: что же будет после выборов, и предпочтет ли католический центр, в котором руководящую роль играют крупные помещики и заводчики, **союз с социал-демократией союзу с Гитлером?** И всякий раз социал-демократия получает ту же самую пощечину: как же это, господа, вы проситесь в союз с партией, которую представляете массам как полуфашистскую? И после каждой такой пощечины социал-демократическая пресса еще более сбавляет тон против партий буржуазии, обостряя нападения на коммунистов. Против буржуазии она визжит, как щенок, которого побоями учат служить на задних лапках. Против коммунистов она ревет медведем.

***

Рабочий класс может теперь подвести итоги тому, **чего ему стоили победа социал-демократии в 1919 г. и господство ее в продолжение многих лет.** Мечты о «социализации» и «производственной демократии» похоронены. Но как выглядят для пролетариата хотя бы перспективы **получения работы и куска хлеба** в качестве «нормальных» наемных рабочих на капиталистических заводах? Еще в книге «Хозяйственное положение, накопление капитала и финансы», изданной в марте 1930 г. **германскими профсоюзами,** утверждалось, что число

рабочих выросло с 1925 г. по 1930 г. на **два миллиона** и что если отчислить количество рабочих, сокращенных благодаря рационализации, то все еще остается **один миллион прироста** занятых в промышленности рабочих.

Русский меньшевик Войтинский, являющийся одним из научных советников германских социал-фашистов, утверждал в изданной в 1930 же году книге «Трудовой рынок», что количество рабочих, занятых в германской промышленности, увеличивается в среднем ежегодно на **150 тыс.** чел. Но вот в июльском номере статистического журнала «Wirtschaft und Statistik» появились вычисления государственного статистического управления, которое приходит к следующему выводу: «В германском хозяйстве, если принять количество безработных в 3 млн, **занято на 1¼ млн рабочих меньше, чем во время производственной переписи 16 июня 1925 г.».** А как развилось за это время производство? Если принять производственный индекс 1928 г. за 100, то в 1925 г. в производственной переписи он был равен 80—86% (по разным кварталам). В первой четверти 1930 г.—93,6%, во второй четверти—84%, т. е., несмотря на уменьшение количества занятых рабочих на 1,5 млн, производство осталось равным уровню 1925 г., и это — в период, когда **3 миллиона рабочих остались без работы, а многие рабочие работают только часть времени.**

Социал-демократическая газета «Leipziger Volkszeitung» от 19 июля, из которой мы заимствуем эти цифры, ужасается, но твердит, что дело идет только о конъюнктурной безработице. Но это не отвечает действительности. Понятно, даже в период капиталистического кризиса мы можем наблюдать отдельные колебания вверх и вниз, но

постоянный рост вытеснения рабочих из производства не подлежит никакому сомнению.

«Почему в Германии столько безработных? Под впечатлением этого тяжелого вопроса едешь в самый важный промышленный район. Но после осмотра наиболее современных и наиболее передовых предприятий начинаешь склоняться к совершенно другой постановке вопроса: **почему в Германии еще столько рабочих,** где, на какой работе они нужны, откуда берутся эти миллионы рабочих, которых насчитывает статистика,— ибо машины двигаются сами, и получается впечатление, что заводы, строящие эти машины, не нуждаются больше в рабочих руках. Формула балаганных глашатаев «Все кружится, все движется само, все есть чистая механика» получила новый таинственный смысл. Голова вытесняет руку, одна голова — тысячу рук. Загадка «перпетуум мобиле» — мечта старых техников — кажется практически осуществленной. Какое значение имеет, что у рычагов и измерительных инструментов стоит еще рабочий, что кто-то смотрит еще за машинами, что кочегар бегает около ряда печей. Труд и производство стоят, очевидно, во многих местах только в отдаленном отношении друг к другу. Участие людских сил в производстве стремительно падает. На заводе Августа Тиссена—самом современном заводе европейской железной промышленности — количество занятых рабочих с начала столетия **удвоилось,** продукция же возросла в **семь раз.** 10 тыс. людей производят в год 2,5 млн т чугуна. Что их осталось еще 10 тыс,— это удивительно, ибо фабричные залы пусты, небольшой взвод рабочих, одетых в асбестовые плащи, работает у доменных печей, другой — у мартенов. Громадные краны, обслуживаемые одним человеком, поднимают пылающие

железные люки в прокатную. Снова — два-три человека, и железо спресовано в тонкие пластины, на конвейере они движутся дальше под надзором одного неквалифицированного рабочего. Переходишь в другой зал — а там уже лежат готовые рельсы».

Так описывает современные германские заводы известный буржуазный экономист Рихард Левинсон[1]. И газета дает своему приложению, посвященному итогам рационализации в ряде стран, заглавие: **«Проверка результатов рационализации: техника экзамен выдержала великолепно, экономика провалилась блестяще».** Переведенное с газетного на простой человеческий язык это означает: происходящие громадные технические сдвиги происходят за счет **громадного ухудшения положения рабочего класса.** Понятно, было бы неверным считать, что вся промышленность достигла уровня тиссеновских заводов, что вообще капитализм может достигнуть того уровня технического развития, который освободит рабочего от труда, но одновременно и от хлеба. Рабочий класс не будет ждать этих результатов, **а освободится** через революцию от власти трестированного капитала, чтобы сделать из развития техники орудие **улучшения положения всего человечества.** Но тенденция к вытеснению рабочего из производства, к ухудшению его положения нажимом растущей резервной армии труда,— она налицо и нависает черной тучей над рабочим классом капиталистических стран. Как эта тенденция выражается в **заработной плате** германских рабочих,— об этом говорят следующие цифры:

«Как высока средняя недельная заработная плата,— на этот вопрос статистика дает только приблизительный ответ, но она все-таки дает доста-

[1] «Vossische Zeitung» от 8 июля.

точно ясную картину. По цифрам статистического управления, которые охватывают только 12 индустриальных групп, и то только рабочих, работающих полное время,— наиболее квалифицированных, наиболее высоко оплачиваемых возрастов,— в апреле 1930 г. тарифная недельная зарплата квалифицированного рабочего равна была 54,12 марки, для неквалифицированных—41,80 марки. Тарифный заработок часто увеличивается благодаря сдельщине и другим договорам — в среднем по Германии на 9%. Действительный еженедельный заработок рабочего старше 20 лет, занятого полную неделю, равен таким образом, 59 маркам, неквалифицированного—45,50. А так как соотношение квалифицированных в Германии теперь выражается как 2:3, то в среднем рабочий старше 21 года зарабатывает в неделю 50,90 марки. Но это он зарабатывает, если он занят круглый год. Работающий теряет минимально 4% через навязанную ему неполную работу (сокращенный рабочий день в субботу и т. д.), так что он получает в среднем 48,54 марки в неделю. Около 11% зарплаты уходит на налоги и на оплату социального обеспечения. Таким образом, у полностью занятого рабочего остается на руках в среднем 43 марки в неделю. Но так как 25% рабочих — моложе 21 года, и зарплата их ниже на 30%, то можно принять, что средний ежемесячный заработок занятых рабочих скорее ниже, чем выше, 40 марок в неделю. Приблизительная правильность этого расчета подтверждается вычислениями союза германской промышленности».

Буржуазный автор Гедеке Михельс, у которого[1]

[1] Подробности можно найти в книге, изданной Профинтерном,—«Мировой кризис и положение пролетариата», М. 1930 г., стр. 61—66.

мы заимствуем эти цифры из-за ясности его исчислений [1],— ставит вопрос: сколько же хлеба, мяса, молока и т. д. получает рабочий за эти деньги? И он отвечает:

«Статистическое управление предпринимало такие вычисления. Возьмем его средние цифры для типичной семьи из трех лиц, имеющей годичный доход в 3 300 марок, который я считаю очень высоко взятым, если жена не зарабатывает достаточно хорошо. 10% уходит на квартиру, это — минимум, которого нельзя понизить, 11,9% уходит на налоги и обеспечение от болезни, инвалидности и безработицы — этого расхода рабочий не может понизить. Если добавить расходы на проезд на фабрику, то уже израсходована четверть заработка. 40% уходит на питание. Как же оно выглядит? На молоко, масло, сыр уходит на человека 21 пфеннинг; на жиры и яйца — 10 пф., на мясо и колбасу—21 пф., на хлеб—15 пф., на картофель и овощи—5 пф., на сахар и фрукты—9 пф., на все питание на человека ежедневно одна марка. На воспитание, образование, отдых немецкий рабочий расходует в неделю одну марку. Сберегает 17,50 марки в год на всю семью, а дело ведь идет о бюджете семьи с одним только ребенком, со сравнительно высоким доходом, семьи, которая не знает ни одной недели безработицы».

Такие условия жизни рабочего, находящегося в сравнительно хорошем положении, когда он и жена его работают круглый год. Он зарабатывает **20 руб. в неделю,** расходует на жизнь **50 коп.** в день. **Это — результаты, которые имеет немецкий рабочий за 12 лет после войны под управлением социал-демократии,** которая сейчас обращается к нему, призы-

---

[1] «Weltbühne» от 10 июля.

вая его голосовать за социал-демократические списки, и указывает ему на то, что капиталисты хотят ухудшить еще его положение. Да, это нищенское положение рабочего класса пытались в продолжение последних двух лет беспрерывно ухудшать капиталисты **с помощью социал-демократов,** которые голосовали за увеличение **таможенных пошлин на продовольствие,** которые увеличивали **налоги** на пиво, кофе, табак, которые делали все, чтобы ослабить борьбу рабочего класса против трестированного капитала. Социал-демократы пытаются заговаривать зубы рабочим, указывая на **трудности, с которыми приходится бороться советскому пролетариату.** Они скрывают от немецких рабочих не только тот факт, что положение советских рабочих по сравнению с предвоенным стало несравненно лучше, но и то, что советский пролетариат отказывает себе во многом сегодня во имя того, чтобы осуществить пятилетку **без помощи иностранного капитала,** чтобы, несмотря на финансовый бойкот мировой буржуазии, на подготовку интервенции, заложить основы для еще большего поднятия благосостояния народных масс. Перспектива же германских рабочих — это **постоянный рост безработицы, рост закабаления** и, наконец, опасность белого режима, опасность **победы фашизма.**

Коммунистическая партия Германии идет к выборам с развернутыми знаменами. Она говорит рабочим открыто, что никакая выборная победа не может освободить их от угрожающей опасности стать белыми рабами немецкого трестированного капитала и мирового капитализма. 2 миллиарда в год платят трудящиеся Германии странам Антанты, 2 миллиарда в год идут дополнительно, по исчислениям самих социал-демократов, в карман германских трестовиков на основе монопольных цен. Социал-

демократы стоят открыто на защите уплаты дани иностранному капиталу. Социал-демократы заявляли открыто, что увеличение капиталистического накопления необходимо, если Германия хочет конкурировать на мировом рынке. Коммунистическая партия говорит массам, что никакими выборными победами нельзя освободиться от этой дани, ибо **трестированный капитал готов разогнать рейхстаг,** лижущий ему сапоги, если он по первому приказу не исполнит его воли. Коммунистическая партия заявила открыто массам, что организованной силе трестированного капитала, охватывающей армию, полицию, фашистов, социал-демократию, **надо противопоставить революционную силу пролетариата, который должен завоевать власть, экспроприировать средства производства, разорвать душащие Германию договоры.**

Выборы показали, сколько рабочих уже сегодня усвоило эти лозунги коммунистической партии. Но выборы ничего не решают. Они являются только **смотром сил революции и контрреволюции в Германии.** Но они могут ускорить момент, когда эти силы сразятся в открытом бою, а не с выборным бюллетенем в руке.

VII. Исход германских выборов

1. Германская буржуазия теряет доверие народных масс

Результаты германских выборов вызвали глубочайшее смущение буржуазной печати не только в Германии, но и всего мира. Биржа — этот барометр, указывающий чутко погоду, ответила на исход выборов падением ценностей ряда лучших германских бумаг. Биржа чувствует приближающуюся грозу,

а мировой капитализм, германский в первую очередь, настолько слаб, что боится бури. Какие причины такой реакции биржи, чего боится буржуазия Германии и других стран?

Первое, что бросается в глаза, когда присмотришься к результатам германских выборов,— это потеря, по крайней мере **3½ млн голосов историческими партиями германского промышленного, торгового и аграрного капитала.** К германская национальная партия (бывшая консервативная), и немецкая народная партия (бывшая партия национал-либералов), и государственная партия (бывшая партия прогрессистов),—все они вышли из выборов с громадным уроном.

Первые две из этих партий представляли в прошлом руководящее ядро германской политики. В вильгельмовские времена помещики и крупная промышленность, представляемые этими двумя партиями, управляли кораблем германской государственной политики. Они при выборах в 1912 г. получили 3 млн голосов. Это было недостаточно для руководства, ибо не давало большинства в парламенте. Выручала или партия католического центра, или партия прогрессистов. Они поставляли крупному капиталу и помещикам мелкобуржуазные массы города, а подчас и деревенских мелких буржуа. Помещики и крупная буржуазия предпочитали опираться на католический центр, в котором сильнее было влияние католических помещиков и католических капиталистов и который был партией культурной реакции. Но если дело доходило до конфликта с центром, как это имело место во время выборов 1907 г. из-за борьбы за влияние между католическими попами и колониальной бюрократией, помещики и промышленный капитал прибегали к помощи прогресси-

стов, которые, щеголяя остатками либеральных идей, находились в оппозиции бюрократическому вильгельмовскому режиму, увлекали за собою еще часть городской мелкой буржуазии. **Мелкая буржуазия была еще твердой опорой буржуазии, ибо расцвет германского капитализма в предвоенное двадцатипятилетие вызывал в ней надежды, что и она сможет поживиться крохами, падающими со стола победоносного империализма.**

В послевоенное время помещики и крупная трестированная буржуазия не могли самостоятельно руководить Германской республикой. Они были чересчур скомпрометированы, как главные носители германского империализма и монархического режима. Формально власть перешла к коалиции социал-демократов, демократов и центра. И у демократов, и у центра выдвинулись на первый план мелкобуржуазные элементы. Достаточно указать на то, что в качестве вожаков католической партии выступал Эрцбергер — вождь левого крыла, выдвинулся Вирт, и что они защищали политику уступок Антанте, политику мира и политику сравнительно умеренного налогового обложения мелкой буржуазии. Социал-демократия, отрекшись от идей революции и социализма, выступала открыто как партия реформы — на почве и в рамках капиталистического строя. **Таким образом, в первый послевоенный период формально господствовали мелкая буржуазия и «рабочая» партия мелкобуржуазных реформ.**

Понятно, было бы глубочайшей ошибкой думать, что и в это время были в загоне интересы крупного капитала. Все налоговые реформистские программы мелкой буржуазии оказались пустышкой, ибо, не имея мужества наложить руку государства на ценные бумаги трестов, на прибыль банков, мелко-

буржуазное правительство открыло двери для растущей инфляции, которая обесценивала германскую денежную систему. Подати, уплачиваемые крупной буржуазией и помещиками, обесценивались раньше, чем они были уплачены. Одновременно крупные капиталисты получали от государства займы для поощрения экспорта и возвращали их в обесцененных деньгах. Выручку же за экспортированные товары, получаемую в золоте, оставляли за границей. Мелкая буржуазия не только не сумела бороться с крупным капиталом и помещиками, но притворялась не понимающей, что на деле действует под их диктовку. Но факт налицо, что в первый период после войны крупному капиталу пришлось действовать **за ширмой мелкой буржуазии** и что она могла спасти капитализм благодаря иллюзиям, которые вызывала у значительной части народных масс фактом своего формального господства.

Действительность показала все бессилие мелкой буржуазии, и уменьшилась вера мелкобуржуазных масс в ее реформистские программы,— крупный капитал в лице народной партии не только сам вернулся к власти, но пытался тянуть обратно в правительственную коалицию и помещиков, чтобы таким образом **консолидировать старое господствующее ядро и восстановить социальную ось, вокруг которой вращалась государственная политика предвоенных времен.** Эти попытки, повторявшиеся много раз с 1924 г., нашли свое выражение в создании правительства Брюнинта, смысл которого состоял в намерении создать мост для правительства помещиков и трестированного капитала, опирающегося на две буржуазные партии, имеющие еще поддержку значительных мелкобуржуазных масс: на католический центр и демократов.

Эта попытка окончилась теперь **крахом.** Крах ее состоит в том, что и **народная партия** и **партия националистов выходят с выборов разбитыми.** Они потеряли миллионы избирателей, что социально означает, что **мелкобуржуазные массы отворачиваются от исторических партий германского капитализма,** поскольку эти партии выступают под собственным флагом. Характерно, что разгром постиг и народную партию, которая уже долго находится у власти, по существу являясь ее социальным стержнем с 1924 г., и немецко-национальную, которая находилась в оппозиции к существующему «республиканскому» строю. **Помещики и капиталисты потеряли доверие мелкобуржуазной массы. Это означает, что доверие потеряли действительные хозяева германской экономической жизни, в чьих руках фабрики, шахты, значительная часть земли, банки.** Значение этого факта громаднейшее. Он является **предвестником крушения режима германской буржуазии.** Но если германские капиталисты и помещики должны были внешне устраниться в первый период послевоенной Германии от власти и допустить правительство мелкой буржуазии, довольствуясь тем, что она не в состоянии проводить другой политики, кроме угодной крупному капиталу, то теперь выходят из выборов сильно **подмоченными и мелкобуржуазные партии.**

2. Крах мелкобуржуазной демократии

Крах этот выражается не только в потерях, постигших демократическую партию, выступившую на выборах под знаменем государственной партии. Государственная партия в глазах народных масс потеряла значение демократической партии. Она

не укрепилась переменой вывески, она не задержала дальнейшего своего распада, она его, наоборот, ускорила, показав массам, что она **тоже** партия трестированного капитала. В качестве демократического заслона она уже ни к чему не пригодна.

Не так ярко на первый взгляд поражение германской социал-демократии. Она потеряла «только» 600 тыс. голосов. Но если присмотреться к судьбам этой партии не под углом зрения только последних выборов, то **линия ее падения** станет более яркой. Она получила при выборах в учредилку 11½ млн голосов—больше трети всех поданных голосов. Кроме нее на этих выборах получили больше 2¼ млн голосов независимцы, являвшиеся левым крылом мелкобуржуазной демократии. Таким образом, обе эти партии имели около **14 миллионов голосов.** На выборах в июне 1920 г. социал-демократическое большинство теряет почти половину своих голосов, получив вместо 11½ — 6 млн. Зато количество голосов независимцев почти удваивается, перевалив за 5 млн. Совместно обе социал-демократические партии имеют уже только **11 млн голосов.** На выборах в мае 1924 г. об'единенные партии под флагом социал-демократии получают только **6 млн голосов.** Это означает, что они потеряли около 5 млн голосов. На выборах в декабре 1924 г. число голосов, отданных за об'единенную социал-демократию, выросло, и она получает снова около **8 млн голосов.** Оттолкнутая буржуазией в оппозицию, она получает больше **9 млн голосов** при выборах в мае 1928 г. Теперь, несмотря на оппозицию, она теряет 600 тыс. голосов, прерывая таким образом свой рост, начавшийся в декабре 1924 г. **В итоге из 14 млн голосов, полученных при выборах в учредилку, социал-демократия сохранила только 8½ млн голосов.**

Социал-демократия была до этого времени главной опорой послевоенного капитализма. Падение ее влияния означает **ослабление главной «демократической» подпоры существования германского капитализма.** Доверие народных масс потерял не только сам хозяин, доверие начинают терять те партии, которые были до этого времени главными его спасителями. Демократическая партия умирает от скоротечной чахотки. Социал-демократия, имея организм, впитавший в себя соки рабочего класса, организм, подкрепленный тренировкой в продолжение многих десятилетий, **сдает медленно,** борется с величайшей выдержкой, **но сдает.**

Единственная из подпор германской буржуазии, которая вышла из кризиса еще **без урона,** это партия **католического центра.** Это удивительная смесь крепких капиталистических и помещичьих элементов, отсталой народной массы, держащейся за средневековые католические традиции, массы, руководимой лучшими организаторами в мире — католическими попами. Но эта **партия не может являться притягательным центром для мелкой буржуазии во всем государстве, ибо эта партия католического меньшинства.** Исторически она может оказаться бастионом, еще не тронутым зубом времени, когда все здание будет разрушено историческими событиями. В таких бастионах живут совы и змеи. Но и этот бастион, лишенный подпоры, развалится. Центр один не может спасти германскую буржуазию.

3. Победа фашизма

Перестав надеяться на свои демократические подпоры или считая их недостаточными, часть германского трестированного капитала начала поддерживать фашистов. Одна часть германских капи-

талистов смотрела на фашистские организации только как на средство «дисциплинирования» социал-демократии. Угроза, что к власти будут призваны фашисты, что они заменят социал-демократов, должна была отбить у этих последних всякую охоту к фрондированию, к демократическим и реформистским жестам. Наиболее ярко эта тактика буржуазии выразилась в Австрии, где угроза фашистского переворота со стороны хеймвера заставила социал-демократов скушать всю фашистскую программу. Для избежания фашистского погрома Отто Бауэры сами помогли Шоберу провести фашизацию Австрии. Это послужило примером для части германской буржуазии, поддерживающей фашистов. Другая часть фашистских покровителей ведет политику с более решительными целями. Она стремится к захвату власти руками фашистов, к уничтожению остатков так называемой демократии, она хочет загнать в подполье все организации пролетариата, ведущие классовую борьбу.

До настоящего времени, несмотря на поддержку значительных кругов крупной буржуазии и помещиков, фашизм представлял довольно эфемерную силу. С конца прошлого года начался рост фашистских партийных организаций как организаций массовых, и начались их выборные победы. Это означало, что благодаря кризису значительная часть мелкой буржуазии, а отчасти и безработный рабочий молодняк без политического прошлого, идет на поводу капиталистических режиссеров, дергающих на ниточке Гитлера. Но такого результата, какой дали выборы, не ожидал никто. **Фашисты стали второй по силе политической партией в Германии.** Количество голосов, павших на фашистов, выросло с 800 тыс. до 6 с лишним миллионов. **Ничего подобного не знает история поли-**

тической борьбы, особенно в стране со старой политической диференциацией, где всякой новой партии очень трудно завоевать себе место у стола, занятого старыми партиями. Нет ничего характернее того, что об этой **партии, занявшей второе место в германской политической жизни, ни в буржуазной, ни в социалистической литературе ничего не сказано. Это партия без истории,** которая вдруг поднялась в политической жизни Германии, как поднимается внезапно среди моря остров благодаря действию вулканических сил.

Победа фашистов заслуживает **глубочайшего внимания.** Ее надо будет в будущем подвергнуть всестороннейшему анализу, но уже сегодня можно сказать, что **эта победа чревата величайшими неожиданностями для буржуазии.** Фашистская партия создалась как новая подпора капиталистического режима, как новая подпора трестированного капитала, чувствующего приближение великих бурь. **Но массы, которые пошли за нею,— пошли не для поддержки трестированного капитала, ибо тогда незачем было бы им бежать от германской национальной партии, от народной партии и от государственной партии.** Они пошли за фашистской партией, ибо она им обещает спасение от мирового капитала, высасывающего Германию юнговским договором, и от германских трестов. Это, во-первых, мелкобуржуазные массы города и деревни. Что деревня играла не меньшую роль, чем город, это показывает результаты выборов в Восточной Пруссии, где фашисты били немецко-национальную партию, хотя они находятся с нею в блоке. **Мужик встал против помещика и в больших массах пошел за новой партией, сулящей ему какое-то новое «третье царство труда».** Нет ничего более замечательного, чем тот факт, что трестиро-

ванный капитал должен был **загримировать под социализм своего нового лакея — фашистскую партию.** Ничего нет удивительного, что эта гримировка увлекла за собою и часть молодых рабочих, пришедших недавно из деревни,— а таких в Германии теперь миллионы, как показывает анализ социального состава рабочих таких гигантов, как завод в Лейна и анилиновая фабрика в Людвигсхафене. Германская социал-демократия, связанная с крупной буржуазией, в глазах этих масс является партией парламентских компромиссов. партией капиталистической коррупции. Итти к коммунистам эти массы еще не решаются, ибо коммунистическая партия—партия, подверженная преследованиям, партия порвавшая до конца с капиталистическим миром. Во главе фашистской партии стоят офицеры, стоит интеллигенция, партия эта имеет поддержку широких мелкобуржуазных кругов; и многие рабочие, которые хотят бороться с капитализмом, но еще не порвали всех связей с буржуазным миром, пошли за фашистской партией. Она обещает им уничтожить господство банков и трестов, уничтожить капиталистическую кабалу в союзе с другими «национальными» силами, не вызывая гражданской войны. **Победа фашистов показывает, как широко недовольство, возмущение порядками капиталистической Германии даже вне рядов сознательных рабочих.**

Партия фашистов должна заменить как подпору буржуазному строю обанкротившиеся или сильно подмоченные мелкобуржуазные демократические партии. Какие это открывает перспективы? Раньше чем перейти к ним, присмотримся к процессам, происходящим среди **основной массы пролетариата,** к процессам, которые нашли свое выражение в победе коммунистической партии.

4. Победа коммунистической партии

Увеличение числа коммунистических голосов на 1 300 тыс. само по себе является крупнейшим политическим фактом. Этот **скачок количества коммунистических голосов** отражает, хотя внешне в меньшей мере, чем победа фашистов, то **катастрофическое положение,** в котором находится Германия. Внешне в меньшей мере, ибо рост коммунистических голосов не так велик, как у фашистов. Внутренне же в значительно **большей мере,** ибо **не подлежит никакому сомнению, что за коммунистов голосовали рабочие, знающие, чего они хотят.**

Коммунистическая партия шла к выборам с такой же ясной программой, с какой шли большевики в 1917 г. Партия выдвинула ничем **не прикрытую программу диктатуры пролетариата, программу гражданской войны, программу борьбы со всем капиталистическим миром.** На ее знамени написано было: **«Власть пролетариату».**

Чтобы понять значение того факта, что, несмотря на эту программу и именно **из-за этой программы,** партия получила 4½ млн голосов, надо вспомнить сравнительную организационную слабость партии, открыто установленную и пленумом ЦК КПГ и Коминтерном. Коммунистическая партия Германии пережила больше расколов, чем какая-либо другая партия. Для обывателя, даже для революционного обывателя, эти расколы были признаком распада партии. Эта обывательская оценка упускала из виду, что расколы есть путь самоочищения партии от элементов, не способных вести коммунистической политики. Но широкие рабочие массы часто не понимали, из-за чего происходят эти расколы. Во время этих расколов от

партии отошла значительная часть организационных кадров, создавшихся во время войны, значительная часть кадров, созданных после войны. Буржуазная, социал-демократическая пресса, пресса ренегатов коммунизма, обливала в продолжение ряда лет помоями руководящие кадры партии КПГ, смеялась, что среди ее вождей нет ни одного «блестящего имени». Убийцы Розы Люксембург и Либкнехта высмеивали партию, у которой отняли лучших ее вождей.

Не подлежит сомнению, что вся эта агитация не могла остаться без известного влияния. Коммунистическая партия не могла противопоставить агитации буржуазной и социал-демократической прессы ни громадного количества листовок, ни достаточно мощной прессы. Все буржуазные партии шли к выборам, опираясь на миллионы, **десятки миллионов марок, которыми снабдил их капиталистический мир. Социал-демократия получила на выборную кампанию около 3 миллионов марок от профсоюзов и кооперативных банков.** Коммунистическая партия располагала только фондом, собранным ее членами. Она должна была экономить на всякие выборные расходы до последнего момента, чтобы иметь, с чем выступить в последние предвыборные дни. **Несмотря на все это, компартия получила 4½ млн голосов.**

Не менее интересен вопрос, **где** эта **победа наиболее внушительна.** КПГ стала самой сильной рабочей партией в **Берлине и в округах тяжелой промышленности** — в первую очередь в **рейнской Вестфалии и Рурском бассейне.** Это означает, что, не завоевав еще большинства рабочего класса, **мы подходим к его завоеванию в политически решающих пунктах Германии.** Берлин с его пролетариатом, стоящим ближе всего к центру политической

жизни, пролетариатом, который сражался в ряде восстаний, пролетариатом, который видел наиболее близко измены социал-демократии, перелеты от коммунизма к социал-демократии,— этот рабочий Берлин дал самое большое количество голосов коммунистической партии. Это означает, что за **коммунизм, за коммунистическую партию высказался мозг германского пролетариата.** Мы получили наибольшее количество голосов в районах тяжелой промышленности, где пролетариат живет под тяжелейшим гнетом трестов, где он видит воочию диктатуру капитала, где давление на пролетариат самое сильное. **Рабочие округов тяжелой промышленности — это батальоны тяжелой пехоты, которая будет играть решающую роль в будущих боях германского пролетариата.** Рурские рабочие дрались наиболее энергично и в 1919 г. и во время капповского путча. Рурские рабочие наилучше сражались под французской оккупацией. Эти испытанные отряды рабочего класса, продумав опыт 12 лет существования германской республики, заявили: **«Мы пойдем путем, который указывает коммунистическая партия, другого пути нет». Это решение берлинских, рурских и вестфальских рабочих — предварительное решение всего германского пролетариата.**

Если победа фашизма содержит еще очень много неразгаданного, если масса, пошедшая за фашистами в количестве 6 млн, это еще **каша, из которой неизвестно, что приготовит история, то масса, пошедшая за коммунистической партией после той агитации, которую она вела,— это уже сформировавшиеся боевые отряды, это — недвусмысленный вызов, брошенный буржуазии со стороны третьей части германских промышленных рабочих.**

5. Что же дальше?

Формально германская буржуазия имеет возможность создать **«правительство большой коалиции»** совместно с социал-демократией, добавив еще к старой комбинации из. демократов, народной партии, центра — социал-демократов и хозяйственную партию. Она может создать **правое правительство,** в состав которого вошли бы демократы, центр, народная партия, национальная партия, фашисты и разные обломки правых партий. Но эти обе возможности открыты перед германской буржуазией только с **точки зрения игры в парламентские бирюльки.**

Правительство большой коалиции было бы правительством, в котором **социал-демократия должна взять на себя полностью, без урезок, проведение всей социальной программы фашизма.** Социал-демократия уже перед выборами вела переговоры с католическим центром насчет создания совместного правительства. Она заявляла публично перед самыми выборами, что она хочет взять на себя ответственность и за самые тяжелые решения, дабы спасти страну от диктаторского правительства и внешне-политических авантюр. Не подлежит сомнению, что теперь прищемленная выборным поражением социал-демократия **еще более будет склонна к уступкам.** Вопрос только — **под силу ли будет народной партии и центру пойти на блок с социал-демократией,** имея против себя фашистов и национальную партию и имея в самом правительстве такие элементы, как вождь аграриев Шилле, который на предвыборных собраниях кричал, что он предпочитает, чтобы эта республиканская система пошла лучше сегодня к чорту, чем завтра, **вопрос, как отнесутся рабочие социал-демократы**

к ее участию в правительстве, которое должно их ежедневно грабить, удорожая последний кусок хлеба и отнимая последнюю рубашку.

С другой стороны, создание правого правительства требует устранения как первой помехи отношения фашистов и германской национальной партии к **юнговскому договору и ко всему внешне-политическому курсу германской буржуазии,** связанному с именем Штреземана. Понятно, было бы смешным сомневаться, что Гитлеры и Гугенберги сумеют порвать в клочки все те бумати, на которых записаны их аннибаловы клятвы борьбы на жизнь и смерть с договорами Юнга и с подчинением антантовскому капиталу. Власть сто́ит попранных клятв,— скажут они, как сказал французский король, что Париж сто́ит католической мессы. Вожди мелкобуржуазных масс всегда предавали эти мелкобуржуазные массы. Вхождение в правительство дало бы фашистам возможность ускоренного завоевания государственного аппарата, армии, полного проникновения в ряды полиции и **облегчения таким образом процесса сбрасывания демократическо-парламентской скорлупы,** процесса перехода к чисто диктаторскому правительству. Но первый вопрос — не побоятся ли вожди фашистской партии начать с предательства всех своих лозунгов, раньше чем в их руки прочно перейдут рейхсвер и полиция. Это угрожало бы им опасностью потери значительной части мелкобуржуазной массы перед действительным завоеванием власти и могло бы поставить под знак вопроса самое завоевание власти.

Другой вопрос — **не побоится ли трестированный капитал уже теперь бросить вызов международной бирже введением в правительство основного фланга немецких глашатаев войны реванша.** Юнговский

заем и так начал в последнее время очень плохо котироваться на мировой бирже. Вопрос международных кредитов стоит очень остро у германских капиталистов. Итальянские фашисты пришли к власти после очень короткого периода агитации, социальная их демагогия была очень мало известна за границей. Известен был только факт, что они громят рабочие организации. Немецкие фашисты бросали свои демагогические лозунги в продолжение 10 лет, а разгромить рабочее движение им еще не удалось. **Мировая биржа до этого времени более ценила германских социал-демократов в качестве сторожевых псов капиталистического порядка, чем фашистов.** Очень характерно, что парижский «Тан» — орган французского правительства и французской биржи — добивается теперь после выборов восстановления правительства с социал-демократией.

Как бы ни решилась германская буржуазия, **во всяком случае она рискует одной из своих подпор.** Участие социал-демократии в правительстве, которое поставит себе задачей ликвидацию всех остатков завоеваний революции 1918 г., означает — раньше или позже — **переход миллионов социал-демократических рабочих в ряды коммунистической партии. Участие фашистов во власти означает скорый процесс потери иллюзий у всех плебейских элементов фашизма, означает приток трудящихся элементов от фашизма к коммунизму.**

Третий вариант правительства меньшинства, каким было бы правительство Брюнинга,— правительство из государственной партии, центра, народной партии и представителей союза аграриев,— правительство, которое будет господствовать при помощи меняющегося большинства, **опираться во внешней политике на социал-демократию,** заставлять социал-

демократов глотать лягушек при помощи угрозы фашистами, заставлять фашистов поддерживать себя угрозой коалиции с социал-демократией,— такой выход означал бы только **перманентное беспокойство, брожение, означал бы беспрерывный кризис власти,** который бы подготовил свое **внепарламентское завершение.**

Ведь все эти политические комбинации будут разыгрываться не в безвоздушном пространстве или только в испорченном воздухе парламентского здания,— они будут разыгрываться в стране, которую треплет экономический кризис, которая сегодня имеет 3 млн безработных, в которой правительство само ожидает зимою баррикад. Кризис будет искать своего решения в **великих классовых боях,** и первая задача коммунистической партии состоит в том, чтобы, почерпнув силы из своей выборной победы, подготавливаться для победы в массовой борьбе.

Исход германских выборов сигнализирует угрозу капиталистическому строю в Германии, а Германия лежит в сердце Европы.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I. План Юнга, международный кризис и основные экономические задачи германской буржуазии 5

II. Империалистические задачи германской буржуазии . 14

III. Между фашизмом и социал-фашизмом:

1. Милые бранятся,— только тешатся 24

2. Существо фашизма 27

3. Сущность социал-фашизма 35

IV. Задачи буржуазии и неудача создания одной фашистской партии 50

V. Германский фашизм 65

VI. Положение рабочего класса и задачи компартии . . 76

VII. Исход германских выборов:

1. Германская буржуазия теряет доверие народных масс 86

2. Крах мелкобуржуазной демократии 90

3. Победа фашизма 92

4. Победа коммунистической партии 96

5. Что же дальше? 99

75к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Московскому областному отделению сектора книгораспространения Госиздата РСФСР — Москва, Кузнецкий мост, 7; Сектору книгораспространения Госиздата — Москва, Центр, Богоявленский пер., 4, и во все магазины и отделения Госиздата.